

Двери, всегда закрытые настежь

завтра начинается вчера

A futuristic cityscape at dusk, featuring a prominent skyscraper with a bridge-like structure. The city is reflected in a body of water in the foreground. In the sky, a large planet is visible, and a jet streaks across the upper portion of the frame, leaving a long, thin white trail.

18+

Сон Виталий

Виталий Сон

Двери, всегда закрытые настежь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30796736

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-11672-6

Аннотация

О чём эта книга? Затрудняюсь сказать определенно. О людях, о выборе который они делают. О мире и своем месте в этом мире. Детские приключения двух мальчиков, которые неожиданно получают продолжение во взрослой жизни. Поставив перед ними выбор Быть или жить. Некоторые главы имеют в качестве эпиграфа стихи по теме главы. Стихи автора. Огромное спасибо Романовой Татьяне Ивановне и Юркевич Наталии Владимировне за помощь в создании этой книги. Без них бы она не появилась на свет. Надеюсь, вам будет интересно.

Содержание

Глава 0. Предисловие и пояснение	4
Глава 1. Одноглазый	15
Глава 2. Ящик	22
Глава 3. Исчезновение	28
Глава 4. Возвращение Одноглазого	40
Глава 5. Костя	45
Глава 6. Продавец сахарной ваты	51
Глава 7. Птицы	59
Глава 8. Друг детства	69
Глава 9. Первая дверь	82
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Виталий Сон

Двери, всегда закрытые настежь

Глава 0. Предисловие и пояснение

*Он выглядел нескладным и нелепым,
всегда таил улыбку в складке губ,
как будто знал о чём-то очень светлом...*

Да вся беда, что был на слово скуп.

*Из шёпота своих стихотворений
он каждый вечер ладил корабли,
сплетая явь и морок сновидений
бродяг ветров со всех концов земли.*

*Спуская их на отмели забвения,
он верил, что найдёт когда-нибудь
хотя б одно бумажное творение –
к большой воде и к звездам верный путь.*

*Но времени безжалостны резоны,
и он, однажды втиснувшись меж строк,
стал парусником, доверху гружённым
обочинами пройденных дорог.*

Скрипела дверь натужно и протяжно,

хозяйничали в доме сквозняка,
и был последний парусник бумажный
сколочен из не струганной доски...
Над палубой, обитой черным крепом,
хрипело солнце мятой медью труб,
а он опять не к месту и нелепо
улыбку прятал в твёрдой складке губ.
Остался только ветер дальних странствий,
защитый им в изнанку парусов
размеченного временем пространства,
исчерканных поправками листов.
И я увёл недрогнувшей рукою
под шумный говор пивших за стеной
весь флот, ещё оставшийся в покоях
тетрадных стоп с убористой строкой,
спасая их от гибели в кладовке,
от сырости и тления в пыли...
И лишь теперь, по мере подготовки,
я в море отпускаю корабли...

Вся эта история, о которой пойдет речь в книге, началась два года назад. Впрочем, для начала позвольте представиться. Меня зовут Виталий, я родился на о. Сахалин, где, собственно, и прожил большую часть жизни. Прошло много месяцев после моего переезда на пмж в г. Ростов -на -Дону, но вся неизбежная суэта, связанная с внезапной переменой

места жительства, не давала мне достаточно свободного времени, чтобы разобрать и рассортировать свой личный хлам, который я привез с острова в недрах огромного чемодана. По большому счету, это были книги и личные бумаги – всё, что при отъезде я в спешке покидал в нутро чемодана, почти не разбирая содержания. И лишь два месяца назад случилось событие, благодаря которому я сел их разбирать. Событие, на первый взгляд ничем не связанное со всей этой историей, наполненной невероятными приключениями, с привкусом детства, лета, радуги, но также крови и гнили. Что в ней правда, а что вымысел – решать вам. Я только систематизировал оказавшиеся в моих руках сведения и кое-где (самую малость) домыслил отсутствующие кусочки повествования. Скоро вы поймете, почему я посчитал себя вправе это сделать.

Итак, по порядку.

Два месяца назад умер мой сосед, высокий, нелюдимый старик. Я его практически не знал и не общался. «Здравствуйте» при встрече, замечания о погоде – вот, собственно, и всё общение. Но каково было моё удивление (и не только моё), когда на поминках выяснилось, что никто из жильцов маленькой, двух подъездной пятиэтажки не знал о нём ничего больше меня. Вы скажете, что это общая проблема больших городов? Да. Но не в этом случае. Этот дом так же, как и многие другие по ул. Российской г. Ростова-на-Дону, был построен в советское время способом, получившим в народе

название «кровавый». Это, когда предприятие выделяло для своих работников средства и материалы на постройку дома, но в качестве строителей выступали сами будущие жильцы под руководством профессионалов, выполнявших всё в свободное от основной работы время, то есть, по выходным и по ночам. Понятно, что такой режим под силу только молодым. Когда такой дом достраивался (все квартиры по площади одинаковые), кидался жребий, и жильцы занимали доставшиеся квартиры. Понятно, что за время постройки дома, длившееся не один год, все будущие соседи успевали узнать о друг друге практически всё. Но вот о нём, никто ничего не знал. На поминках, организованных сердобольными старушками-соседками на деньги, собранные с жителей дома, я, из уважения выпив за упокой души и отсидев для приличия за столом некоторое время, незаметно вышел из комнаты. Но почти у самого порога споткнулся о стопку каких-то бумаг, перевязанных нейлоновым шнурком. Рядом с этой стопкой стояли и другие: книги, журналы, подшивки старых газет. Всё это, видимо, соседки приготовили выбросить.

Для меня, не стесняющегося рыться даже возле мусорных контейнеров в куче выброшенных кем-то книг, пройти мимо было просто выше сил. Рыться в этих аккуратно перевязанных стопках во время поминок было, конечно, не комильфо. Поэтому я просто подобрал одну из них и унес к себе. Поначалу я был немного разочарован – моя добыча представляла собой стопку толстых тетрадок в дерматиновом перепле-

те (во времена моего детства их называли общие). Беглый осмотр показал, что это то ли дневники, то ли чьи-то попытки написать роман в жанре фантастики. Часть из них была заполнена округлым детским почерком, часть неразборчивой «арабской» вязью (такой жуткий почерк обычно бывает у врачей и фармацевтов). Поскольку делать было все равно нечего, я плеснул в стакан коньячку и углубился в изучение материала. Примерно через полчаса я уже не мог оторваться от этих бумаг. Глаза болели от напряжения, но я уже разбирал незнакомый почерк почти без запинок. Про коньяк я совсем забыл. С каждой минутой чувство дежавю, которое появилось чуть ли ни с первых минут чтения, становилось всё сильнее и мучительней. Чтоб дать глазам немного отдохнуть, я переключился на тетрадки, заполненные детским почерком и тут... Этого не может быть! Я сошёл с ума? Или перепил? Нет! стакан стоял нетронутым там, где я его и поставил.

Эпизод 1 (из записок, найденных в квартире соседа)

"Все тело, казалось, было отлито из чугуна. Попытка придать себе вертикальное положение удалась только с третьего раза.

Ватные ноги предательски подкашивались, а перед глазами плыли мыльные пузыри всех оттенков радуги. Я его почти настиг. Он был всего в нескольких метрах от меня.

Нервно оглянувшись, он бросился бежать. Сделав пару

шагов следом, я рухнул без сил на каменистую поверхность.

Где-то за спиной, в миллионах световых лет отсюда, громко захлопнулась дверь.

Когда я очнулся во второй раз, он исчез бесследно. Осталась только сухая горечь во рту

и знакомое ощущение невесомости во всем теле, несмотря на боль от многочисленных ушибов и ссадин.

С трудом сев, я сделал попытку осмотреться. Попытка была обречена на провал изначально. В каком бы месте я сейчас ни оказался, ясно было одно: там была глухая ночь.

Темнота была такая полная, что поначалу, решив, что ослеп, я почиркал зажигалкой и с облегчением увидел колеблющийся огонек, осветивший мою ладонь прикрывавшую его от ветра.

Но и только. Даже этот огонек не смог еще более оттенить темноту, заполонившую это странное место, настолько она была полной.

Поэтому мне не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать рассвета (надеясь, что он все-таки наступит) и восстанавливать силы для завтрашнего дня. Что он мне приготовил?

Один бог знает... если он, конечно, есть в этом неизвестном мне мире."

Дойдя до этого места, я бросился в кладовку... выволок свой чемодан на середину комнаты и стал судорожно в нем

рыться... Где же оно... где? Вот!

«Даже этот огонек не смог еще более оттенить темноту, заполонившую это странное место, настолько она была полной.

Поэтому мне не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать рассвета (надеясь, что он все-таки наступит) и восстанавливать силы для завтрашнего дня. Что он мне приготовил?

Один бог знает... если он, конечно, есть в этом неизвестном мне мире...

Момент, когда наступил рассвет, я даже толком не успел заметить... даже не рассвет... не было никаких переходов от полной темноты к ясному, солнечному дню, как будто где-то там, наверху, кто-то повернул выключатель и сказал: «Да будет свет!» Подождав пока глаза привыкнут к свету, я внимательно оглядел место, куда я попал. Станный это был мир, как будто нарисованный пятилетним ребенком гуашью. Краски слишком яркие, тени угольно-черные, небосвод ярко-синего цвета и... да... в этом мире не было солнца, если не считать таковым маленькое красное пятнышко в зените, неправильной формы. Как будто ребенка позвали обедать, и он оставил картинку незаконченной. Свет был везде и из ниоткуда... хотя длина теней от елок правильной геометрической формы явно указывала на то, что сейчас ранее утро.»

Вот мои детские «творческие» попытки. Точно такая же общая тетрадка, заполненная округлым детским почерком. Её сохранила моя мама вместе со своим дневником и моими детскими рисунками, самодельными открытками-поздравлениями с 8 марта и днем рождения, они кочевали за мной всю жизнь. После смерти матери у меня просто не хватило духу выбросить то, что представляло для неё ценность. Внезапный приступ «писательства» я пережил в 12 летнем возрасте, и длился он пару недель. Тогда я забросил всё – и друзей, и футбол, и велосипед. Я сидел в своей комнате и непрерывно писал. Поначалу мама была очень рада, но спустя некоторое время я заметил тревогу в её глазах, которая усиливалась день ото дня. Ещё бы... на дворе в самом разгаре было лето.

– Сынок?

– У...

– Может пойдешь погуляешь? Костик пришел... зовет тебя.

– Не могу, ма... некогда мне

– А можно мне почитать, что ты уже написал?

– Хорошо, ма, только скажи Костику, что я... что у меня живот болит.

– Ладно.

– Сынок! Посмотри на меня!

– Да, мам...

– Это ты сочинил? Или переписываешь какую-то книжку

по памяти?

– Да я, мам, я.

Помню неподдельный страх в тот момент в глазах матери. Такой её до этого я видел только однажды. Было мне тогда лет 5 или 6. Из того времени я не помню ничего, кроме этого эпизода. Хотя с течением времени я про него совсем забыл, но сейчас вспомнил отчетливо, во всех деталях. Дело было на речке, в месте, которое называлось «стрельбищем» по старой памяти, хотя от стрельбища остались только осыпавшиеся траншеи, заросшие густой травой, и множество пуль в земле, которые мы, мальчишки, собирали для коллекции.

В этом месте горная речушка разливалась в ширь и замедляла течение до приемлемого, поэтому это было одно из любимых мест горожан для купания и пикников на природе.

Был воскресный день и мама со своей подругой, тетёй Тamarой, со смешной фамилией Рыжик, прихватив меня, решили отдохнуть на стрельбище. Пока они раскладывали пледы и продукты, я отошел к берегу реки и увидел на противоположном берегу маленького котенка, который бегал туда-сюда по гальке и отчаянно мяукал. Напрасно я пытался обратить внимание мамы на него. Они весело хохотали с тетёй Тamarой, обсуждая что-то. Мама только крикнула: «В воду не ходи!» – и погрозила пальцем. Я был в полном отчаянии – плавать я не умел, а котенок, услышав голоса людей, полез в воду, поскользнулся и теперь безуспешно пытался выбраться из воды на склизкий валун. Вот его лапки

соскользнули в очередной раз, и он, беспомощно барахтаясь в подхватившем его течении, поплыл вниз по реке.

В тот момент, стоя у среза воды, я мог только кричать и... желание сейчас же оказаться на том берегу в какой-то момент стало настолько сильным, что я потерял сознание.

Очнулся я уже на том берегу с мокрым пищащим комочком в руках. Мама и тетя Тамара, что-то крича, быстро пересекли речку.

Потом мы шли домой... Я, совершенно забыв о происшествии, довольный шлепал впереди с котенком за пазухой, а мама и тетя Тамара, насмерть перепуганные, шли сзади и тихо переговаривались:

– Он не умеет плавать! И кроме нас там никого не было!

– Но ведь он был совершенно сухой! Не перелетел же он в конце концов по воздуху!

Вот и в тот момент в глазах матери был тот же самый испуг. Испуг перед чем-то необъяснимым. Приступ писательства тогда быстро прошел, чему немало поспособствовала мама, достав каким-то невероятным способом мне путевку в пионерлагерь «Орленок» на черноморском побережье. И вот сейчас, спустя десятки лет, неожиданное напоминание.

На изучение соседского наследства ушли все выходные. Еще несколько дней я ходил, как сомнамбула, не зная, что мне теперь делать со всем этим. Мир, каким я его знал, прекратил существовать. Сейчас я бы многое отдал за возмож-

ность не брать эти тетради тогда, ничего не зная. Но уже ничего изменить нельзя. Держать всё и дальше в себе я тоже не могу, поэтому появилась эта книга. О том, кто был моим соседом, и почему наши воспоминания порой... Впрочем, это только мои догадки. А вам я предлагаю сделать выводы самостоятельно.

Глава 1. Одноглазый

Эпизод 1 (из записок, найденных в квартире Бродяги).

"Все тело, казалось, было отлито из чугуна. Попытка придать себе вертикальное положение удалась только с третьего раза.

Ватные ноги предательски подкашивались, а перед глазами плыли мыльные пузыри всех оттенков радуги. Я его почти настиг. Он был всего в нескольких метрах от меня.

Нервно оглянувшись, он бросился бежать. Сделав пару шагов следом, я рухнул без сил на каменистую поверхность.

Где-то за спиной, в миллионах световых лет отсюда, громко захлопнулась дверь.

Когда я очнулся во второй раз... он исчез бесследно. Осталась только сухая горечь во рту и знакомое ощущение невесомости во всем теле, несмотря на боль от многочисленных ушибов и ссадин.

С трудом сев, я попытался осмотреться. Попытка была обречена на провал изначально. В каком бы месте я сейчас ни оказался, ясно было одно – там была глухая ночь.

Темнота была такая полная, что, поначалу решив – ослеп, я почиркал зажигалкой и с облегчением увидел колеблющийся огонек, осветивший мою ладонь, прикрывающую его от ветра.

Но и только. Даже этот огонек не смог еще более оттенить темноту, заполонившую это странное место, настолько она была полной.

Поэтому мне не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать рассвета (надеясь, что он все-таки наступит) и восстанавливать силы для завтрашнего дня. Что он мне приготовил?

Один Бог знает... если он, конечно, есть в этом неизвестном мне мире."

История, которую я хочу рассказать, началась в 1977.. году в маленьком прибрежном городишке моего детства. По совести сказать, и статус города он имел только из жалости – уж больно был мал, даже по островным меркам, что тем не менее не мешало ему даже являться районным центром. Как говорится, каков район, таков и центр.

Было мне тогда 7 лет, так же, как и моему закадычному другу Костику. Впрочем, нет... он был осенним... значит, старше меня на календарный год.

У нас была с ним одна, но пламенная страсть, помноженная на безграничную свободу вне стен школы и отягощенную, прямо-таки скажем, неважнецкой успеваемостью.

Проще говоря, мы были отпетыми двоечниками и заядлыми прогульщиками.

А увлечение наше собственно состояло в том, что мы любили исследовать любой заброшенный дом или развали-

ны строений, находящихся в черте города и даже в радиусе нескольких километров вокруг него.

Стоило нам только узнать о том, что появился новый объект, достойный нашего внимания, мы срочным образом готовились к вторжению. То есть прятали школьные ранцы в дровяной сарай (стоявший между нашими бараками), тащили из дома бутерброды, запасались свечками и спичками и отправлялись на охоту. Цель набега всегда оставалась не до конца понятной нам самим...

Что мы хотели найти? Привидения? Клад? Или, может, самурайский меч?

Это неважно. Я думаю, нам тогда просто хотелось чуда... пусть маленького, но такого необходимого, когда тебе 7 лет, с тобой лучший друг, а в твоём скучном городке, кажется, даже мухи знают друг друга по имени-отчеству.

В тот воскресный день всё начиналось несколько иначе.

Утром, предупредив мое желание смыться за дверь нечесаным и неумытым, мама стальным голосом отрезала:

– Сегодня идем на юбилей к тете Розе. Будь добр привести себя в порядок! Да, да! И зубы тоже! Твой костюм в зале на стуле, чистые носки там же, и... И смотри у меня!

Где-то глубоко внутри себя я взвыл утробным голосом, но хорошо зная: если мать говорит подобным тоном, спорить не то что нежелательно, а чревато резиновым шлангом от стиральной машины по моим мягким местам, возражать не стал и даже сказал примерным голосом:

– Хорошо мамочка.

За что был одарен взглядом, в котором сквозило некое удивление вкупе с недоверием.

– Гляди у меня!

И мама отправилась в свою комнату наводить красоту.

Надо отдать ей должное: наказывала она меня редко, даже слишком, но зато так, что помнилось очень долго (в отличии от Костика, которого отец лупил ремнем почти каждый день, но добился только того, что шкура на попе у сына стала абсолютно невосприимчивой к подобного рода наказаниям).

Впрочем, это лирическое отступление.

Два часа спустя мы с матерью шли по направлению к дому тети Розы.

Мать гордо плыла впереди по нашему местному Бродвею под названием ул. Центральная, я же понуро плелся сзади, таща нелепый букет из гладиолусов и жутко стесняясь своего чисто вымытого облика, наглаженных брючек и ослепительно белой рубашки.

Вдруг, материализовавшись из-за угла, появился Костик и, несмотря на предупредительный вопль матери, схватил меня за рукав и потащил в сторону, ругаясь негодующим шепотом.

Благо внимание матери было тут же отвлечено какой-то малознакомой мне тетей с детской коляской.

– Далеко не уходи! (мне вслед)

И обе склонились над коляской, умильно сюсюкая (одна с

гордостью, другая с приторным восхищением). На какое-то время я был относительно свободен.

– Слышь... ты че вырядился, как болван? – начал Костик и, не дожидаясь оправдательного лепета, продолжил:

– Одноглазого забрали! Говорят – в «дурку»!

Это была новость... так новость. По значимости это было на порядок выше, чем вертолет, севший ненадолго год назад на площади перед городской управой. Поскольку наши бараки располагались поблизости, мы с Костиком были в числе первых счастливицков... Мальчишки, прибежавшие из отдаленных окраин, лицезрели только пыль, поднятую винтами улетевшего вертолета, и (с бешеной завистью) наши сияющие от восторга рожи.

Одноглазый являл собой личность загадочную и очень опасную. Опасность заключалась в его железных пальцах, которыми он до хруста выкручивал уши любопытных пацанов, неоднократно пытавшихся проникнуть на его территорию (у подножья сопки густо заросший крапивой и малиной маленький клочок земли, с полуразвалившейся хибаркой, обшитой рубероидом и дощечками от деревянных ящиков).

Он ни с кем не общался, в город приходил только в магазин за продуктами и, если бы не было необходимости разговаривать с продавщицами, мне кажется, он бы вообще рта не

раскрывал. В городишке он появился относительно недавно и породил огромное количество сплетен и слухов. Согласно одним, он провел за решеткой 20 лет за убийство своего лучшего друга. Согласно другим, он – бывший капитан дальнего плавания, при загадочных обстоятельствах утопивший свое судно у берегов Новой Зеландии и чудом спасшийся один из всей команды, ну и, соответственно, после отсидки (какая же без нее романтика?) приехавший в наш город.

Все остальные слухи представляли собой либо вариации двух первых, либо даже их компиляцию в произвольной форме.

Поговаривали, что он иногда месяцами не покидает стен своего жилища. Хотя скорее всего это просто враки.

Одно точно: никто, никогда не бывал у него дома, поскольку он сам никого не приглашал, а любопытствующих бесцеремонно заворачивал еще на дальних подступах к своему жилью. Главная странность, подогревавшая не стихающее любопытство окружающих, заключалась в том, что его заросший участок с полуразвалившейся хибарой был обнесен очень добротным и высоким забором, сколоченным едва ли не сразу же после заселения. Собак Одноглазый не держал, но функции сторожа и сигнализации у него с успехом выполнял огромный черный котьяра, принимавшийся истошно завывать, выгибая спину и прижимая уши к голове при появлении посторонних в его поле зрения. Зрелище, надо сказать, жуткое, наводившее ужас в свое время не на одно

собачье сердце, не говоря уж про пацанов. Котюра был местный, бездомный, долгое время промышлявший по помойкам на ул. Набережной и вот теперь обретший хозяина в лице Одноглазого.

Как бы там ни было, новость означала одно: теперь можно беспрепятственно проникнуть в его таинственную хибарку в поисках чего-нибудь загадочного. Причем все нужно делать быстро, пока не пронюхали остальные такие же, как и мы, искатели приключений.

Решение пришло незамедлительно – проникнуть на заветную территорию сегодня (этому в немалой степени поспособствовала мать, направляющаяся в нашу сторону с решительным видом)

Костик должен был произвести разведку и ждать меня в условленном месте через пару часов.

За это время я надеялся отбыть официальную часть и, пользуясь неизбежной суетой на таких мероприятиях, потихоньку слинять. Про будущее состояние парадного костюма я даже не думал. Семь бед – один ответ. А дом тети Розы находился в пригороде неподалеку от хибары Одноглазого.

Глава 2. Ящик

– Ко-о-т... Эй... Ты где? ...

Никто не отозвался. Я прятался в зарослях лопуха позади хибарки Одноглазого и безуспешно вполголоса звал Костю.

Кота (в смысле животного) нигде не было видно. Впрочем, как и моего друга. Тем не менее я оглядывался с опаской, на всякий случай держа в руке промасленную салфетку с завернутым в нее куском жареной рыбы, украденной мной на кухне юбилярши.

Было очень жарко. Солнце стояло в зените. Надоедливо жужжали над ухом оводы.

Пахло лопухами и ещё почему-то сахарной ватой.

Подождав еще немного, я решил, что мой приятель внутри хибарки и просто меня не слышит. Поэтому, крадучись, пересек двор и прилип носом к пыльному стеклу единственного окна, пытаясь что-нибудь разглядеть внутри. Разглядеть ничего не удавалось.

На двери хибары висел огромный замок и свинцовая пломба.

Я стоял и раздумывал, что делать дальше, когда вдруг (мне с перепугу показалось – прямо из-под земли – возле моих ног) раздался Костин голос:

– Чо стоишь? Залезай!

Едва ни пукнув от неожиданности, я увидел голову друга,

торчащую из приоткрытой дверки угольника.

Для справки тем, кто слабо осведомлён, что это такое: угольник представляет собой невысокую пристройку к стене дома, обычно в виде деревянного короба, вмещающего в себя от полутора до нескольких тонн угля и имеющего две дверцы-лючка. Одна находится снаружи (соответственно для загрузки), а другая расположена внутри помещения (обычно в сенях... или, по-местному, в тамбуре) и служит для набора угля в ведро. Пользовались этим выходом обычно домашние животные и непослушные дети, преимущественно мужского полу.

Оправившись от испуга, окончательно плюнув на состояние (и так уже плачевное) парадного костюма, я полез за другом в шуршащую угольную нору.

Внутри жилища было прохладно. И теперь уже совершенно отчетливо пахло сахарной ватой. Единственный источник света (маленькое грязное оконце, через которое я совсем недавно пытался безуспешно что-нибудь разглядеть) давал освещение достаточное, чтобы увидеть чётко, где мы оказались.

В комнате, кроме стола и панцирной кровати, застеленной серым байковым одеялом, не было ничего. Только обшарпанный зелёный ящик из-под артиллерийских снарядов.

Естественно, в тайной надежде найти что-нибудь стоящее мы первым делом занялись им.

– Не открывается, – сообщил мне Костик.

Я попробовал приоткрыть крышку, она не поддавалась, как будто заколоченная гвоздями.

Железные застёжки были открыты, и, тем не менее, мы не могли и совместными усилиями сдвинуть ее ни на миллиметр.

В маленькой кухоньке из инструментов мы нашли только консервный нож и погнутую вилку.

Понятно, этим ящик было вскрыть невозможно.

– Монтировка нужна, – авторитетно заявил Костик, и я не возражал, хотя перспектива отложить дело на неопределенный срок (неизвестно, что ждало меня дома) меня абсолютно не радовала.

Повисло тягостное молчание. Пока я обдумывал варианты возможного возвращения домой, Костик лег на пол возле ящика и принялся его рассматривать в тщетной надежде найти предполагаемую секретную кнопку.

– А я тебе говорю: это бесполезно! Мы вдвоем с Семенычем его с места сдвинуть не могли. А он не чета тебе! Ну сейчас сам все поймёшь!

Громкий и раздраженный голос вывел меня из ступора, на крыльце раздались чьи-то тяжелые шаги, и кто-то завозился с замком.

– Костя... Костя... быстрее... Ты чо – оглох?

Только сейчас я обратил внимание, что мой друг застыл

возле ящика, судорожно вцепившись в него руками и при-
никнув глазом к какой-то невидимой мне щели.

С большим трудом мне удалось оторвать его от ящика и
затащить (кажется, еще мало соображающего, что происхо-
дит) в угольник.

– Чёрт!! Неужели в отделении оставил!?

– Ну что еще?

– Кажись, ключи не те взял. Ну точно – не те!

– Я поражаюсь, что ты до сих пор помнишь, как тебя зо-
вут, с твоей-то дырявой башкой!

Голоса, продолжая переругиваться, удалились, но стало
понятно, что дальше в доме оставаться было опасно.

Выждав некоторое время, мы выбрались из угольника и
направились неспешным шагом в сторону города.

– Ты чего прилип к этому ящику? Еще немного – и нас
бы застукали!

Сказать, что я был взбешен безответственным поведени-
ем друга в опасный момент – это ничего не сказать.

Вместо ответа Костя как-то странно посмотрел на меня,
потом пробормотал:

– Да так, ничего особенного. Паучок там был полосатый...
Никогда раньше такого не видел!

Более бесстыдного вранья мне до сих пор слышать не при-

ходило. Задохнувшись от возмущения и подыскивая слова, которые уничтожат Костю на месте, я молча испепелял его взглядом до тех пор, пока он виноватым голосом не произнес:

– Ну ладно... Не злись... Расскажу... Только не смейся.

Ещё негодуя, я просто кивнул в ответ. Костя продолжил:

– Понимаешь... еще когда тебя ждал, мне показалось, что я слышу, как кто-то кричит. Зовет кого-то... далеко-далеко... и жалобно так... А потом, по-моему... плач... и опять – крик. И как будто там – в ящике. Понимаешь?

Теперь я посмотрел на Костю – уж не смеется ли он надо мной, но он был необычайно серьезен.

– Потом я услышал тебя во дворе и подумал, что мне показалось. Но во второй раз, когда осматривал ящик, мне опять послышался этот крик. Только звали теперь меня, понимаешь? Кто-то звал: «Коостя... Коостя...» – , и голос был похож на твой. Я оглянулся, смотрю – ты сидишь и молчишь, а когда поворачивал голову, то увидел лучик света между досками ящика и...

– Боже мой! На кого ты похож! Смерть моя! Да что же это такое! Сил моих больше нет!

А ну марш домой! Немедленно, я сказала!!!

Так закончилась вторая глава этой долгой истории... ес-

ли, конечно, опустить происходившее дома, после того, как меня туда отконвоировали. Впрочем, к данному повествованию это имеет весьма непосредственное отношение. Скажу только, что полноценно сидеть на стуле я не мог ещё примерно пару дней и находился под домашним арестом.

Но за эти несколько дней произошли события, всколыхнувшие весь наш маленький городок и ещё долго являвшиеся поводом для невероятных сплетен, рассказываемых обычно взрослыми вполголоса на кухне, когда они полагают, что дети спят и ничего не слышат.

Глава 3. Исчезновение

Костя пропал!

Эту новость принесла на хвосте невзрачная личность по кличке Шепелявый, жившая в соседнем бараке и учившаяся в параллельном классе.

После вышеизложенных событий минуло уже несколько дней. Все это время находясь под домашним арестом, я соответственно ничего не знал о том, что творится в мире, находящемся за входной дверью нашей квартиры.

В момент, когда я узнал о Костином исчезновении, я был занят очень важным делом, а именно, высунувшись по пояс в форточку, пытался взять на верный рогаточный прицел ворону, сидящую на крыше сарая.

Ворона сидела спокойно на какой-то миллиметр левее от крайней точки доступного мне сектора обстрела и насмешливо косила в мою сторону хитрым глазом. Вот потому я, балансируя на животе и судорожно суча ногами в воздухе, пытался выдвинуться из окна как можно дальше.

– Костя пропал!

Я выронил рогатку и смахнул пяткой с подоконника горшок с любимым маминым кактусом.

И хотя кактус в падении впился в мою пятку чем только мог, я не почувствовал боли... настолько был потрясен этой новостью.

– Как пропал?

– Вчера домой не пришел. Сегодня Костина мама пришла в лагерь (имелся в виду летний пришкольный лагерь), и милиция. Спрашивали всех, кто его видел последним.

Невзрачная личность что-то еще бормотала, но я ее уже не слышал.

Костя пропал! Я был почти уверен, что это как-то связано с нашей последней вылазкой.

Мне хотелось немедленно бежать в хибарку Одноглазого, но в трусах и майке далеко не убежать, а всю остальную мою одежду мать на время оставила у соседей.

Оставалось только ждать, когда придет с работы мама, и попробовать уговорить ее отпустить меня погулять. И я ждал.

Ждать пришлось недолго. В тамбуре раздался шум (который могут произвести только несколько человек), затем клацнула дужка навесного замка, и в квартиру вошли:

мать, тетя Зоя (Костина мама) и незнакомый мне дядька со старым, облезлым портфелем.

Тетя Зоя, едва переступив порог квартиры, рухнула на табуретку и принялась причитать. У нее было опухшее от слез лицо и красные глаза. Поначалу я с трудом ее узнал. От нее сильно пахло валерьяной.

Она всегда (до этого) была веселого, доброго нрава... и мне казалось, что она и во сне хохочет или улыбается.

Допрашивали меня долго и с пристрастием. Тетя Зоя периодически принималась плакать, и это было труднее всего выдержать. Дяденька с портфелем оказался то ли следователем, то ли оперативником, в те годы таких нюансов для меня не существовало... милиционер и все тут.

Почему я был твердо уверен, что ни при каких обстоятельствах нельзя рассказывать о том, где мы с Костей были... я не знаю... но тем не менее точно знал: проговорюсь – и Костя никогда не вернется...

Потом тетя Зоя ушла.

А мама поила чаем дяденьку с портфелем, который размяк от горячего чая и сетовал вслух, вот, дескать, что творится в районе... Недавно в соседнем селе мальчик пропал, и по свидетельствам очевидцев, его видели в последний раз разговаривающим с Одноглазым.

И когда пришли за Одноглазым, тот пытался укрыться в доме, а когда это ему не удалось, впал в кому и до сих пор находится в таком состоянии. И поговаривают, будто...

На этом месте я был выслан матерью, заметившей мой неподдельный интерес, за пределы слышимости разговора.

Когда мы остались с матерью одни, она испытующе посмотрела мне в глаза (только она умела так смотреть... как рентген, это был ее коронный прием, против него я всегда был бессилен) и спросила: «Ты правда ничего не знаешь?»

И тут в первый раз в жизни я не дрогнул, не отвел взгляд и уверенно соврал: «Да!»

Дальше события развивались стремительно.

Я уже не помню, каким образом мне удалось ускользнуть из дома, за давностью лет эти мелочи совершенно вылетели из памяти.

Отчетливо помню только с момента, когда я, дрожа от страха и ночной прохлады, перелезал через высокий забор участка Одноглазого.

Как раз в этот момент из-за облаков выглянула полная Луна, и весь двор залил ее жутковатый, мертвенно – голубой свет. Хотя, возможно, мне это тогда просто со страху помешалось.

Единственное в чем я не мог ошибиться, так это все тот же проклятый запах сахарной ваты.

В ту ночь он был особенно густой и липкий.

Я пересёк двор, оглядываясь на каждый воображаемый шорох и был готов в любой момент рвануть обратно. Как только я подошел к стене хибары, мир вокруг смолк.

Наступила полная тишина: ни шороха, листвы, ни дуновения ветра, только Луна и все тот же забивающий ноздри запах.

Я долго стоял, подняв дверку угольника, и собирался с духом, намеренно не глядя в черный провал угольной норы. Мне всё казалось, что там кто-то есть... и что оно, которое там, смотрит на меня и ухмыляется.

Оно ждет, когда я посмотрю на него, потому что знает: ес-

ли я увижу эту ухмылку, то никогда не решусь пройти дальше. Сколько времени я провел в таком положении, не знаю, может, и несколько секунд, но только они были длиной в миллиарды лет.

Оно, которое ждало меня там, стало терять терпение. Сначала послышался шорох осыпающегося угля, а потом шлепающие и чавкающие звуки, наводившие на мысль о том, что их источник – это сидящая в темноте огромная слепая жаба, питающаяся исключительно маленькими мальчиками.

Тёмный первобытный ужас перед неизвестной опасностью, прячущейся в темноте, шарахнул по мозгам, за долю секунды заполнил все тело от затылка до пяток. Я выронил крышку люка и в один момент оказался за пределами участка Одноглазого, а высокий забор, по-моему, перемахнул, даже не касаясь его.

Я бежал, задыхаясь и поскуливая от безумного страха, мне слышались сырые шлепки за моей спиной. Оно покинуло нору и преследовало меня!

Остановится я смог только возле первого городского фонаря на окраине, светившего тусклым, но таким надежным, живым и теплым светом. Окончательно меня отрезвил проехавший мимо грузовик.

Теперь меня заполнил жгучий стыд, вытеснив остатки ужаса... я струсил... струсил... Хуже того – я совершил предательство. Убежал! Бросил друга одного...там. А он так ждал моей помощи.

При одной только мысли о «там» тело покрылось предательскими мурашками.

Но, сам того еще не осознав, я уже направлялся обратно.

По дороге я подобрал пустую бутылку и, разбив ее о бордюрный камень, превратил в грозное оружие – «розочку». Если верить старшим пацанам (сопливым подросткам лет тринадцати – пятнадцати из нашего квартала, нахватавшим-ся дешевой блатной романтики), такой «розочкой» умеючи можно легко зарезать человека и даже не одного. Откуда у меня возьмется такое умение и можно ли сравнить человека с огромной слепой жабой-людоедкой, я старался не думать. Острые края бутылочного горлышка, поблескивавшие из моего судорожно сжатого кулака, и жалкий перочинный ножик в другом придавали мне уверенности. Всю дорогу обратно я уверял себя, что нет никаких жаб-людоедок и чертей... это все бабушкины сказки и враки, такие же, как дед мороз, приносящий подарки, (мы с Костей, в отличии от большинства сверстников, тогда уже знали, что в его роли выступают родители, но все-таки писали ему открытки, как все остальные, в надежде на чудо... а вдруг?)

Я настолько преуспел в подбадривании себя, что, оказавшись возле открытого угольника, готов был перерезать хоть целую армию жаб (тем более, что это всё бабкины сказки) и почти нисколечко не боялся!

Минуточку! А почему открыт люк? Я ведь совершенно точно помню, что захлопнул его!

Давешний ужас предупредил о своем возвращении мурашками, побежавшими по спине, и, не дожидаясь, когда он заполонит меня окончательно, с отчаянным криком: «Ма-а-а-а!» – я нырнул в угольную нору, выставив перед собой оба своих «грозных клинка».

Внутри никого не было. Я стоял, настороженно обшаривая взглядом пустую комнатку с примыкавшим к ней крохотным закутком кухни. Лунный свет бледно, но полно освещал жилище Одноглазого. Не было нужды зажигать самодельный карманный фонарик, сооруженный из квадратной батарейки, лампочки от гирлянды и куска изоленды. К тому же, кажется, я его потерял еще во время своего позорного бегства.

Ничего не изменилось со времени нашего последнего визита сюда – всё оставалось на своих местах... за исключением кровати, отодвинутой к противоположной стене.

Было такое ощущение, что кто-то пытался вытащить ящик из-под кровати, ему это не удалось, и потому он отодвинул кровать. И еще было понятно, что этот кто-то не преуспел в своем начинании.

Ящик находился на том же самом месте.

Немного разочарованный, я сидел на полу и тупо пялился на чертов ящик. Совершенно обыкновенный. Ничего загадочного в нем не было, если не принимать во внимание, что его невозможно открыть и сдвинуть с места. Было абсолют-

но непонятно, что же делать дальше. Почему я был уверен, что мой друг здесь и нуждается в моей помощи? Сейчас мне все это казалось полным абсурдом. Я уже начал было подумывать о возвращении, как мне показалось, что кто-то зовёт меня... где-то очень... очень далеко.

Как будто ветер доносил издалека чей-то смутно знакомый голос.

Я прислушался... нет... показалось...

И вновь еле слышно: и-а-я... о-о-и-и... е-е-й.

Ту же припомнив Костин рассказ, я прилип к ящику и весь обратился в слух.

Но кроме пульсации своей крови в плотно прижатом к стенке ящика ухе, ничего не услышал.

Крики... если они мне не показались... прекратились. Но теперь я был точно уверен, что доносились они именно оттуда.

И вдруг, заметив в миллиметре от своего кончика носа маленькое светлое пятнышко, я замер на месте, затаив дыхание, боясь спугнуть его судорожным выдохом, который так и просился сейчас наружу.

Прошло несколько томительных секунд... пятнышко стало ярче и шире... я продолжал ждать не дыша... Пятнышко еще более увеличилось, став размером примерно с пятикопеечную монету... Решив, что этого достаточно, я сделал выдох и приник к нему, как к замочной скважине, в твердой уверенности наконец-то увидеть... Что?

Сначала картинка была размыта – просто белая муть со смутными очертаниями.

Постепенно муть рассеялась, и я увидел где-то внизу подо мной последний акт разыгравшейся драмы, предыдущие действия которой я пропустил.

На маленьком пяточке, которым заканчивался узенький серпантин горной тропинки, упиравшейся в отвесную скалу, парень лет двадцати в разорванной на спине футболке метался между трех дверей в стене скалы. Он никак не решался выбрать какую-либо из них. Почти уже решившись, он хватался за ручку одной... но тут же одергивал руку, как от огня, и прыгал к другой двери. Времени на выбор у него не оставалось совсем. Снизу по тропинке наползали на пяточок какие-то странные твари, похожие на грифов, но со змеиными хвостами и совершенно человеческими зубами в нетерпеливо щелкающих клювах.

Передние останавливались в нерешительности перед самым выходом тропинки на пяточок, но сзади напирали все новые и новые... и было понятно: еще пара минут – и парню крышка.

Периодически он бросал взгляд назад и стрелял в приближающихся тварей из огромного старого револьвера. Револьвер, судя по всему, был древней конструкции, после каждого выстрела приходилось взводить курок вручную, как в старых ковбойских фильмах.

Только в вестернах герои делали это быстро и изящно,

стреляя, как из пулемета.

У парня с этим дела обстояли куда хуже. Он делал это очень неумело... пару раз умудрившись едва не выронить револьвер из рук. Его неумелость компенсировало только опустошительное воздействие оружия в рядах напиравших тварей. После каждого выстрела не менее десятка монстров падало замертво, и их тут же пожирали напиравшие сзади собратья.

Это давало маленькие паузы, в течение которых осаждаемый тщетно старался выбрать нужную ему дверь. Сверху мне было хорошо видно, что скала на самом деле представляла собой просто стену, за которой находились три коридора, ведущие к трем дверям на площадке.

Один из них (центральный) обрывался в бездонное ущелье, край которого прилегал вплотную к самому порогу.

В дальнюю от меня дверь с воем билась огромная собака... вместо шерсти она была покрыта

стальной щетиной, когти высекали искры из скалы, а хвост, которым она в бешенстве хлестала по бокам, выбивал целые куски бетона из стен коридора.

Пространство за третьей дверью, было укрыто мраком... и было в нем что-то нехорошее... но... все-таки... все-таки... это был единственный шанс.

Когда я перевел взгляд по ту сторону дверей, то увидел, что развязка уже наступила.

Револьвер дал две осечки подряд, и твари приблизились к

парню на расстояние вытянутой руки. Они уже никуда не торопились. Он размахивал своим бесполезным оружием, как дубинкой, держа его за ствол, но твари только шипели и не делали ни шагу назад. Похоже, они поняли, что он не в состоянии побороть свой страх перед неизвестным и сделать выбор между тремя дверьми, а значит, никуда не денется.

Спустя много лет я понял, чего он боялся... но тогда искренне не понимал... ведь если сзади верная смерть... какая разница, что тебя ждет впереди... ведь все равно ничего не теряешь?

Время показало, насколько я ошибался. А парень, похоже, уже знал и, видно по всему, решил принять свой конец здесь. В отчаянии швырнув свое оружие в кучу тварей и раскроив одной из них череп, он поднял голову и...

Мне показалось – в голове у меня разорвалась бомба!

Крик о помощи занял всё пространство моей черепной коробки. В этом крике слышалась безнадежность... звавший на помощь не рассчитывал на нее... это был просто крик отчаяния:

– Ви-т-а-а-л-я-я!!! По-м-о-г-и-и!!! Ск-о-р-е-е-й!!!

Это был Костя! Старше на много лет... но это был он!

Впрочем, это я понял позже... а тогда, еще не успев ничего толком осознать, только сообразив, что парень тоже меня может услышать, я кричал диким голосом, разрывая связки: – Правая дверь! Правая дверь!!! Правая !!!

Услышав меня, железная собака горестно взвыла и со всего маха с треском ударила в свою дверь.

– Пра-а-в-а-а-я-я-я!!!

В этот момент кто-то плотно зажал мне рот жесткой ладонью и оттащил от ящика.

Это было уже слишком для детской психики, и я потерял сознание.

Глава 4. Возвращение Одноглазого

– Одноглазый! Немедленно отпусти мальчика и сдавайся! Не усугубляй свою вину! Тебе будет засчитана явка с повинной! В противном случае у меня есть приказ стрелять на поражение!

Я открыл глаза и потихоньку приходил в себя.

Оказалось, я сидел на кровати, туго спеленатый байковым одеялом. Напротив, на ящике сидел Одноглазый.

– Ну что малец, очухался?

Странно, но я совсем не испытывал страха. Как будто вычерпал весь лимит страха сегодня на долгие годы вперед.

Поэтому довольно бодро ответил:

– Да.

– У тебя есть последний шанс сдаться добровольно! – гремел во дворе голос, искаженный мегафоном.

– Послушай, малец... У меня очень мало времени, поэтому сиди, слушай внимательно. Говори только: да или нет. Вопросы будешь задавать потом... если, конечно, время останется. Ты все понял?

– Да!

– Отлично! Ты и твой друг, которого теперь ищут, были у меня несколько дней назад, так?

– Да.

– Вы ушли отсюда вдвоем, так?

– Да... но...

– Только да или нет!

– Да.

– Потом твой друг вернулся сюда один? Тебя не было, так?

– Да.

– Сколько тебе лет? Семь?

– Да.

– Хорошо. И твоему другу тоже?

– Нет. Восемь. Он осенью родился.

– Черт! Плохо... очень плохо...

Заметив мой испуг, Одноглазый поспешил меня успокоить:

– Ну-ну... еще не все потеряно. Просто надо действовать быстро.

Впрочем, потом я понял, что успокаивал он скорее сам себя.

Ободряюще подмигнув мне, он улыбнулся (я, наверное, был первым и последним человеком на этой земле, видевшим Одноглазого улыбающимся. Улыбка у него оказалась широкая, белозубая и очень добрая), затем он повернулся к окошку, быстрым движением руки вышиб стекло и крикнул в ночь:

– Я убью мальчика, если хоть кто-нибудь попытается подойти к дому ближе пяти метров!

Слушай, малец... ты, я вижу, очень храбрый мальчик... так же, как и твой друг... если ты хочешь, чтобы он вернулся, нужно мне помочь... сможешь?

– Да! А что нужно делать?

– Ничего особенного... Нужно заплакать... громко заплакать, чтобы услышали те, кто во дворе. Постарайся!

Мне даже не пришлось особенно стараться... казалось, все последние пережитые потрясения и страхи вылились моментально в мой оглушительный рев и настоящие слезы.

Даже Одноглазый был заметно потрясен моим мгновенным перевоплощением.

– Ну артист, – восхищенно прошептал он, – А теперь громко проси, чтобы я тебя не убивал...

Тут я устроил грандиозный концерт. Решив, что достаточно, Одноглазый зажал мне рот рукой и опять крикнул в ночь:

– Вы все поняли? Ни шагу!

– Чего ты хочешь? – спустя продолжительную паузу донеслось со двора.

– Пока я хочу, чтобы все оставались на своих местах! Если мне понадобится еще что-нибудь, я сообщу дополнительно. (Одноглазый явно пребывал в неплохом настроении).

У нас есть теперь минимум пять минут. Ты должен запомнить и сделать в точности все, как я скажу. Чтобы не произошло после... ты понял? Хорошо понял?

– Да!

– Тогда слушай. Я вытащу твоего друга. Сейчас он в большой беде, и мне нужно немедленно отправляться туда (он мотнул головой в неопределенном направлении)

Но когда-нибудь... я не знаю точно, когда... тебе придется тоже отправиться туда... Я постараюсь сделать так, чтобы это произошло как можно позже. Когда ты вырастешь и станешь мужчиной. Такова плата, дружок. Возможно, кто-нибудь сможет помочь тебе вернуться, а может и нет... Ты понимаешь? Согласен спасти своего друга такой ценой? К сожалению, добрые сказки кончились, Малыш... остались только страшные... Согласен?

– Да!

Одноглазый с сомнением посмотрел на меня и, пробормотав невнятно себе под нос что-то вроде: «Боже мой, что я делаю», сказал мне:

– Молодец. Я в тебе не сомневался. (и опять пробурчал себе под нос: «У меня просто нет другого выбора») Сейчас я произнесу слово... я произнесу его один раз... хорошо запомни его... но никогда... Слышишь? Никогда не произноси его вслух... до тех пор, пока не настанет время. Ты поймешь, когда оно придет. Слово это – страшная сила. Возможно, оно сможет тебе помочь.

– Я понимаю!

– Ох, боюсь, нет... но обязательно поймешь со временем... а пока просто сделай так, как я сказал. И ещё: никому никогда не рассказывай о том, что здесь произошло и про-

изойдет. Если нарушишь обещание, не только твоему другу... всем... слышишь?.. всем будет очень плохо. Вот держи это и сохрани во что бы то ни стало. Когда-нибудь это спасет тебе жизнь.

С этими словами он что-то вложил мне в руку и, не дав рассмотреть, что это, повязал мне на глаза какую-то тряпку.

– Закрой глаза, запомни слово и ничему не удивляйся, что бы потом ни произошло.

Затем раздался низкий, вибрирующий гул... вспыхнул ослепительный свет, обжигавший сетчатку даже сквозь закрытые веки и плотную тряпку, и раздалось Слово.

А потом... потом я, кажется, снова потерял сознание.

Глава 5. Костя

В больничной палате царила невероятная скука.

Я уже физически просто не мог соблюдать постельный режим. Под пижамой все тело чесалось и требовало выпустить его на волю, то есть облачившись в футболку, кеды и шорты, бежать из этих белых стен, куда глаза глядят... да вот... хотя бы на берег речки.

Расплющив нос об оконное стекло, я наблюдал, как мимо прошла стайка ребятишек с удочками, весело галдя и по очереди пиная пустую жестянку.

На меня снова обрушилось вселенское уныние и тоска. Если бы не слово, которое я дал матери, то давно бы уже убежал на речку даже в пижаме и больничных тапочках.

Но, вспомнив ее лицо в тот день, сразу отбрасывал подобные мысли. Лицо матери тогда было, как две капли воды, похоже на тети Зоино... опухшее, с красными безумными глазами...

Всегда аккуратно уложенная прическа висела какими-то неопрятными ведьмовскими космами... Но самое страшное было то, что она как будто немного тронулась рассудком в тот день. Постоянно повторяла одно и то же: «Тебе не больно, сынок?... Не больно?.. Скажи, где болит?»

Она не слышала моих ответов и сжимала меня за плечи с такой силой, что на них потом остались синяки от ее пальцев.

Потом ей сделали укол, и она немного успокоилась, но руку мою не выпускала и все блуждала диким взглядом по лицам окружающих.

В больнице я валялся уже третью неделю. Чувствовал я себя прекрасно как никогда и искренне не понимал какого лешего я здесь делаю.

Ко мне приходило много людей в белых халатах, накинутых поверх костюмов, задавали множество вопросов, подключали меня к каким-то странным приборам.

Я охотно отвечал, умело мешая правду и ложь, это у меня получалось так убедительно, что я и сам диву давался, откуда что взялось.

Медсестра Оксана потом мне проговорила, что будто эти люди приезжали из самой Москвы.

Но, видимо, ничего интересного для себя они узнать так и не смогли, и скоро уехали вместе со всеми своими приборами.

Перед отъездом один из них, самый молодой (единственный, который всегда улыбался) вернул то, что дал мне Одноглазый. Говорят, я сжимал вещицу в кулаке с такой силой, что взрослые мужчины с трудом разогнули мои пальцы.

Это был всего лишь мой самодельный фонарик, утерянный мной во время того самого – позорного бегства с участка Одноглазого.

Немало не разочарованный этим обстоятельством, я швырнул его в прикроватную тумбочку и думать о нем за-

был.

Мои воспоминания прервала хлопнувшая дверь.

– А ну ка... Нет, вы только смотрите-ка, кто к нам пришел, – противным голосом с идиотскими присюсюкиваниями начала медсестра Оксана. Ей Богу, дурочка... Что мне три годика, что ли, чтоб разговаривать со мной в такой манере? Я с неохотой повернулся и увидел стоящих в дверном проеме Костика, тетю Зою и маму на заднем плане.

Костик смущенно улыбался и молчал. Молчал и я, немного сбитый с толку его поведением, но, как говорила тетя Зоя, «радый» до безобразия!

Затянувшуюся паузу прервала все та же тетя Зоя, подтолкнув Костика ко мне со словами: «Ну обнимитесь же... Что вы стоите, как не родные?!» Костик подбежал ко мне, мы крепко обнялись, и он шепнул: «Привет, друг... рад тебя видеть...» А я в ответ просто разревелся, как девчонка.

Одноглазый сдержал свое слово – Костя вернулся.

Правда, очень скоро выяснилось, что он ничего не помнит. Нашли его на старом, построенном еще японцами полуразрушенном пирсе... Шел долгий, серый дождь. И вечно полупьяный «полусторож – полуспасатель» в будке возле пирса, наконец, обратил внимание на детскую фигурку, сидящую на кнехте неподвижно в течении нескольких часов.

Костя помнил всё до момента нашего расставания на окраине города. И потом – только с момента его обнаруже-

ния. Все остальное абсолютно стерлось из его памяти.

И я решил ничего ему не рассказывать, как и обещал Одноглазому. Это было трудно, но и я сдержал свое слово.

На этом моменте я, пожалуй, закончу описание начала этой долгой истории.

Всё, что произошло потом, вплоть до вчерашнего дня, вполне укладывается... вернее – ничем особенным не отличается от судеб остальных мальчишек, имевших неосторожность родиться в эпоху заката огромной империи.

Добавлю только, что место, где была хибарка Одноглазого, обнесли глухим бетонным забором с колючей проволокой поверх стен. Были ликвидированы все дачные участки, находившиеся в радиусе километра вокруг. Туда была подведена отдельная дорога, въезд на которую преграждал шлагбаум с вооруженной охраной из солдат Внутренних войск.

Это породило множество слухов, но потом люди привыкли и воспринимали это просто как данность. Мало ли таких сооружений в пограничной зоне. Если даже над городом на самой высокой сопке расположились три радара дальнего обнаружения видимых невооруженным глазом с любой точки города. Говорили, что оттуда наводили наш истребитель, сбивший тот самый злополучный Южнокорейский Боинг. Да и сам МиГ взлетал с военного аэродрома на юге нашей области.

А с течением времени уже мало кто помнил о событиях, разразившихся в тот год, разве что – непосредственные

участники.

По слухам, Одноглазого в хибарке не нашли. Кроме меня там никого не было. И еще говорили, что вместе с Одноглазым исчез и молодой оперативник, который, нарушив приказ, первым ворвался в жилище Одноглазого.

Вот такие ходили слухи.

А потом я закончил школу, уехал учиться на материк, потом – армия.

Ко времени моего возвращения в родной городок огромная империя под названием Советский союз доживала последние дни, кругом царил бардак и растерянность.

Люди были заняты выживанием, и им было не до странных случаев, произошедших еще чёр-те когда.

Охрану с территории Одноглазого давно сняли, бетонный куб странного сооружения, построенный на месте, где стояла его хибарка, был без окон и дверей, а сквозь асфальт двора густо проросли все те-же крапива, малина и лопухи – совсем, как тогда. Я однажды из любопытства пришел на это место, походил вдоль забора и даже заглянул внутрь бетонного куба... Ничего... только загаженные углы, куча полуистлевших от времени и сырости папок с какими-то бухгалтерскими бумагами и остатки железных балок, торчащих из стен, срезанных почти под корень охотниками за металлоломом. Было мне тогда лет 20–21, и все, происшедшее в далеком детстве, мне тогда показалось просто выдумкой, чего никогда не было на самом деле.

Костя повторил тот же путь. Единственное – после армии обратно не вернулся, а уехал к родственникам в Калининград. Поначалу мы еще переписывались, но потом настали лихие девяностые, и переписка прекратилась сама собой. Я тоже покинул родной городишко и переехал в поисках лучшей доли в областной центр.

О своем друге детства и Одноглазом я больше ничего не слышал вплоть до февраля этого года.

Глава 6. Продавец сахарной ваты

Выйдя из здания, в котором располагалось издательство, Костя зябко поежился и поднял воротник.

Погода стояла мерзкая. Ветер, налетая порывами, обдавал целыми каскадами ледяных капель, непрерывно льющихся с низкого, серого неба.

Как обычно, зонт забыт дома в тот день, когда он действительно был нужен.

Рукопись опять не приняли. Настроение было отвратительное, и домой идти совсем не хотелось.

Поразмыслив, он решил, что самое время выпить чего-нибудь согревающего, вроде кофе с коньяком, причем можно даже без кофе, и быстрым шагом направился в сторону симпатичной кафешки, располагавшейся за углом.

Там, сидя за столиком, потягивая коньяк, Костя бесцельно смотрел сквозь стеклянную стену кафе, по которой водопадами сбегали потоки воды, и слушал обычный говор вечно спешащего города, состоявший из шороха шин, нетерпеливых клаксонов и трамвайных звонков.

– Жаба!

Сидящая за соседним столиком полная женщина посмотрела на него подозрительным взглядом, но ничего не сказала. Костя поперхнулся коньяком и смущенно отвел глаза.

«Надо следить за собой, старина, – подумал он, – стано-

вишься рассеян. Вот и сейчас нечаянно сказал вслух то, что думал». Реплика относилась, конечно, не к соседке, а к редактору издательства.

А тот действительно был похож на большую жабу. У него были сильно выпученные глаза (вероятно, проблемы с щитовидкой), абсолютно лысый череп, покрытый безобразными родинками и родимыми пятнами, и очень пухлые щеки, и губы – во всю ширь лица. Голос у него был противный и тонкий.

Он очень напоминал Косте персонажа Весельчака У из любимого мультика детства «Тайна третьей планеты». Но тот был больше похож на борова, а этого Костя сразу окрестил про себя жабой.

С самого начала он ему не понравился, и чувство это, как оказалось, было взаимным.

– Понимаете ли, уважаемый Константин Николаевич... дело ведь совсем не в том, хорошо или плохо Вы пишете. Лично мне (тут он для убедительности приложил руку в район предполагаемой груди... просто живот у него начинался от подбородка) очень нравится ваш стиль и тематика. Но посудите сами: мы – коммерческая организация и в первую очередь во главу угла ставим прибыль, а только потом – художественные достоинства.

Поймите... то, что вы пишете, никогда не продается. Уж больно жанр неподходящий.

Кому сейчас нужны сказки? Да-да! Именно сказки. Кому интересны ваши драконы и межзвездные бродяги? Мой вам совет – попробуйте написать детектив. Чтоб побольше крови, убийств, похоти и подобной чернухи. Да... пошло! Да, чтиво для метро. Но это то, что сейчас реально продается. Ведь не Стивен Кинг же Вы в самом деле.

– Жаба! – уже не сдерживаясь, повторил Костя вслух.

Полная женщина вздрогнула и, подумав, пересела за дальний столик, благо в кафе почти не было посетителей. Но ему уже было не до нее. Раздосадованный последним утверждением редактора, он полез за сигаретами. Хотя обижаться не на что – редактор абсолютно прав. Но вот попробуйте сказать даже дворнику, что он – не гений... и ему будет хоть немного, а все же обидно.

За окном непогода достигла своего апогея... дождь и взбесившийся ветер разогнали почти всех прохожих на улице. За какие-то пять минут кафе полностью наполнилось промокшими посетителями. За Костин столик с вопросом: «У вас свободно?» – не дожидаясь ответа, плюхнулись две молодые девчонки, судя по всему, студентки. Они тут же принялись обсуждать какого-то «препода», больше не обращая на Костю никакого внимания. Впрочем, за это он им был только благодарен. Он продолжал бесцельно смотреть в окно. На противоположной стороне улицы единственным ярким пятном выделялся передвижной лоток с зонтиком, под которым

продолжал добросовестно мокнуть продавец сахарной ваты. «Бедолага... – подумал Костя, – Пока не придет хозяин лотка, так и сидеть тебе под дождем, ведь ты материально ответственное лицо». Хотя... Чем больше он о нем думал, тем больше странностей подмечал.

Уже по дороге в кафе мелькнула мысль: «Ну и погодку ты выбрал, дружище, для работы». И еще... продавец кого-то напоминал, но поскольку Костя торопился в теплое и сухое место, то легко выбросил эту мысль из головы. Сейчас времени у него был вагон, чтобы попытаться припомнить, на кого же все-таки продавец показался похожим.

И вдруг с удивлением обнаружил, что не может вспомнить его лица. Нет, так не бывает... ведь если он кого-то напомнил, значит удалось рассмотреть его достаточно подробно.

Костя сидел и смотрел на одинокую мокнущую фигурку, и его охватывало нехорошее беспокойство, постепенно перераставшее в предчувствие какой-то беды. Фигурка на противоположной стороне улицы была абсолютно неподвижной.

В конце концов было решено убить двух зайцев. Поскольку все равно пора выдвигаться домой, он надумал попутно перейти на ту сторону улицы и удовлетворить свое совершенно иррациональное беспокойство.

Костя подозвал официантку и полез в карман за бумажником. В этот момент с улицы послышался дикий рев мотора и глухой удар. Уши заложило от визга студенток и официантки.

Народ рванул из кафе к месту происшествия, последним вышел Костя.

Он не торопился, потому что был уверен: продавец сахарной ваты уже мертв.

Пробиться к телу ему не удалось – толпа окружила место происшествия плотным кольцом, да, признаться, у него не было особого желания увидеть тело. Немного поразмыслив, Костя вернулся в кафе и заказал еще коньяка.

Он не помнил, сколько времени просидел так, согревая в руках бокал... На месте происшествия давно стоял экипаж патрульной машины с включенными проблесковыми маяками, освещавшими стекло и мокрую мостовую тревожными синими и красными всполохами.

А он все сидел и думал о чем-то. Впрочем, может, и не думал... Он это умел – просто сидеть, ни о чем не думая, уставившись в одну точку. Это всегда раздражало женщин, с которыми он был близок.

Очнулся он от того, что кто-то настойчиво потеревил его за плечо и повторил вопрос:

– Мужчина, Вы давно тут сидите?

– Давно, давно... Он еще раньше нас пришел.

Костя оглянулся. Перед ним стоял патрульный, из-за его широкой спины выглядывали с опаской и любопытством две страшно возбужденные студентки – соседки.

– Он все время на него смотрел, – затараторила одна из них.

– Девушка, помолчите, пожалуйста... Сейчас приедет следователь, ему все и расскажете.

– Вы знали погибшего? – Патрульный, совсем молодой мальчишка, пожалуй, возбужден был не меньше, чем студентки. Кажется, он не имел права его опрашивать, впрочем, как бы там ни было, но Костя ответил ему:

– Нет.

Тут лицо патрульного осветилось совсем мальчишеским азартом:

– А как же Вы тогда объясните вот это? – с этими словами он показал ему, не приближаясь близко, словно опасаясь, что у него вырвут из рук и съедят, большой конверт из вощенной бумаги, на котором корявыми печатными буквами с ошибками было выведено, похоже, детской рукой, следующее: «Мусщине за третим столикам от входа в кофэ Встреча»

– Не знаю... – пожал плечами Костя.

– А почему тогда... – тут появившийся напарник патрульного, мужчина зрелого возраста, молча забрал у него письмо из рук и сказал:

– Опять в самодеятельность играешь? Мало тебе одного выговора? Шерлок Холмс... мля... И, повернувшись к Косте, добавил:

– Сожалею, но Вам придется подождать приезда следователя – он уже выехал.

Костя безразлично пожал плечами. Подождать, так подождать. Ему и самому было любопытно, что это за чертовщина с письмом от покойника.

Следователь оказался мужчиной довольно затрапезного вида с выражением безмерной усталости на лице. Он задавал какие-то вопросы, что-то уточнял...

Костя его даже и не слушал толком, думая о чем-то своем. В голове слегка шумело от выпитого коньяка и просто хотелось, чтобы его наконец оставили в покое, наедине со своими мыслями. Он думал о нелепой смерти, о случайностях, определяющих нашу жизнь и ее конец.

Сбивший продавца водитель грузовика оказался совсем молодым парнишкой, по возрасту, наверно, одногодка с первым патрульным. На него жалко было смотреть – у него тряслись губы и руки, в глазах стояли слезы. Он тщетно заискивающе блуждал взглядом по лицам окружающих в поисках поддержки и сочувствия.

С его слов он сам не понимал, что случилось. Машина была исправна, но на спуске отказали тормоза. Он предпринял отчаянную попытку торможения двигателем (отсюда безумный рев мотора), но вписаться в поворот чисто не сумел и попросту размазал бортом продавца вместе с лотком по стене дома. Самое странное, что сразу после наезда машина ему подчинилась, тормозная система заработала, и он остановился, не доехав трех метров до скопления людей на автобусной

остановке.

Взяв с Кости показания и указав явиться завтра в назначенное время в РОВД, следователь собрал свои бумаги и, как-то странно посмотрев, спросил:

– Хотите знать, что написано в письме?

– А это возможно?

Следователь пожал плечами и со словами: «Почему бы нет...» – развернул листок бумаги, внимательно наблюдая за реакцией Кости. Это был тетрадный листок из далекого детства, уже очень много лет Костя не встречал таких тетрадей.

Листок в косую линейку, на котором твердым разборчивым почерком было написано:

«Возвращайся домой! Торопись! Дверь закрывается».

Глава 7. Птицы

Из неопубликованного рассказа Кости:

«Мои птицы приходят по вечерам.

В час, когда любой цвет неба меняется на непроглядный мрак за окном.

Они садятся на перилах лоджии и не отводят от меня взгляд. Я их никогда не видел в живую.

Потому-что они всегда располагаются по ту сторону границы света, падающего от торшера на лоджию и густой тьмой, в которой может происходить всё, что угодно.

Я слышу, как они возятся там в темноте, толкаясь и переругиваясь вполголоса, иногда взбивая вязкий ночной воздух крыльями, чтобы уместиться поудобнее.

Я никогда не видел, чтобы они летали. Конечно, я бы и не смог ничего разглядеть в темноте, но почему-то уверен, что они не умеют летать.

У той птицы, которая всегда появляется первой, большие, печальные глаза, как у собаки.

Я это чувствую.

Еще я чувствую, что она добрая. Она всегда сидит чуть поодаль от других.

И остальные никогда не пересекают невидимую границу между ней и ими. Они ее недолюбливают и побаиваются.

Иногда она исчезает ненадолго, и тогда пространство за окном наполняется неприятным шорохом. Даже отчасти зловещим.

Как будто множество змей ползут неведомо-куда по па-лой, прошлогодней листве.

Все остальные птицы похожи друг на друга, как капли чернил в чернильнице, но среди них выделяется одна, обычно приходящая последней.

У нее блестящие глаза-бусинки. Взгляд их быстрый и колючий.

Она единственная, кто никогда не смотрит на меня постоянно, только бросает острые взгляды искоса и тут же отворачивается в сторону.

Она единственная, кто никогда не сидит спокойно. Всегда определяю ее перемещения по тому, как она цокотит коготками по перилам, а иногда дробно постукивает клювом по переплету лоджии.

Она любит находится ближе всех к освещенной зоне. Так что, мне кажется иногда – я вижу, как мелькают ее маленькие, костистые лапки и кончик тупого клюва, на секунду выглядывающего из темноты.

Однажды я даже как будто разглядел в ее раскрытом клюве настоящие человеческие зубы! Это была жуткая ухмылка.

Я знаю, что не сумасшедший. Птицы существуют на самом деле. Для того, чтобы окончательно убедиться в их существовании, нужно просто выключить торшер – убрать эту

непроницаемую световую завесу. Но стыдно признаться – я очень, очень боюсь.

Этот страх иррационален. Он сидит где-то в подкорке, но парализует тело и волю состоянием близким к ужасу.

При одной только мысли протянуть руку и выключить свет, что-то темное там, за окном, ухмыляется и как будто говорит: "Хочешь поиграть со мной, Малыш-ш-ш?"

Оно произносит это голосом Буки, жившего в шифоньере в комнате моего детства.

И хотя в ту пору мне было от силы лет 9–10, я всё очень отчетливо помню до сих пор:

– Мама... мамочка... не выключай свет, пожалуйста... Он там... (безудержный детский плач)

– Сыночка, там нет никого... ну что ты, хороший мой... мы же с тобой посмотрели... ну давай еще посмотрим...

– А-а-а... нет... он там... я знаю... (плач)

– Сынок... стыдно спать при свете, ведь ты уже взрослый мальчик... будь мужчиной... даже твоя младшая сестренка не боится и давно спит.

– А ты правда никуда не уйдешь? (дрожащим голосом, сдерживая рыдания и утирая слезы)

– Ну что ты, Малыш... я тут, за стеночкой... только позовешь, и я сразу приду...

– Правда?

– Правда, сынок... правда. Спи, мой хороший.

В детстве я точно знал, что Бука существует на самом деле.

Но тогда я придумал от него защиту и свято верил в нее. Иначе просто бы сошел с ума от страха... В тот момент, когда раздавался щелчок выключателя и гас свет, я оставался с ним один на один, и никто в этом мире был не в силах мне помочь.

Защита была простая: надо было плотно завернуться в одеяло с головой, так, чтобы не осталось ни единой щелочки, и побыстрее заснуть.

Мать знала об этом и, дождавшись, когда я усну, аккуратно распутывала меня. Я чувствовал сквозь сон ее ласковые, прохладные руки, достающие меня из складок одеяла, но мне было в этот момент уже нестрашно, потому что был твердо уверен – Бука ничего плохого не может сделать со спящими.

Это было в далеком детстве...

Потом Бука пропал, но привычка засыпать, натянув на голову одеяло, осталась до сих пор. Это всегда вызывало недоумение случайных дам и откровенное раздражение жены.

А сейчас, спустя несколько десятков лет, он, кажется, вернулся... Вернулся за мной.

Я ничего не могу поделать с собой, никому не могу об этом рассказать из боязни, что меня могут посчитать сумасшедшим.

Вот уже почти год, как я не могу уснуть в темноте.

Я лежу на диване... Слушаю возню птиц за окном...

И жду...

Жду, когда появится опять, отлучившаяся куда-то птица, с большими, печальными глазами...

И только, когда она приходит, я протягиваю руку, щелкаю выключателем и, быстро накрывшись с головой одеялом, проваливаюсь в сон.

Потому что при включенном свете я заснуть тоже никак не могу...»

Чёртовы птицы... Конечно, это был вымысел процентов на 30. Птицы существовали действительно... на соседней лоджии. Там сосед, старик – пенсионер, держал голубей.

Так что, с этой стороны никакой мистики не было.

Другое дело, что все остальное была абсолютная правда. И Бука (хотя это уже литературный псевдоним, в детстве его звали Бабайка) и совершенно иррациональный страх перед темнотой, в которой поселился кто-то ужасный, и бессонница, доводящая до умопомрачения.

После развода, когда бывшая супруга вернулась к себе на историческую малую Родину, забрав с собой дочь, в гулкой тишине пустой квартиры бессонница стала очень частой гостьей.

Существовало только одно проверенное средство от кошмара, терпеливо ожидающего своего часа в темноте на балконе, а именно – напиться. Тогда не только птицы, а сам са-

тана кажется комическим персонажем.

Метод был действенным, но очень болезненным по состоянию на следующее утро.

В этот раз выпито было много, но до отметки «спать» не хватало примерно еще граммов сто пятьдесят.

Поэтому, попав домой, Костя первым делом направился к заветному шкафчику.

Достав из шкафчика початую бутылку «Лезгинки», он наполнил стопочку (дома он предпочитал пить коньяк, как водку, из стопки), подошёл к окну и вздрогнул, расплескав коньяк на пол. С той стороны окна, приблизившись вплотную к балконной двери, на него, улыбаясь, смотрел продавец сахарной ваты.

Будучи слишком пьяным, чтобы испугаться по-настоящему, Костя, тем не менее, испытывал странную смесь из постепенно проходящего страха, нарастающего любопытства и ощущения абсолютной нереальности происходящего...

Продавец, продолжая молча улыбаться, сделал ему знак рукой, словно прося впустить внутрь.

Костя, подумав, открыл дверь и впустил его в комнату.

Продавец, зайдя в комнату, первым делом щелкнул выключателем торшера, погасив свет. В ответ на протестующий жест он приложил палец к улыбающемуся рту и вполголоса сказал: «Мне так удобнее... Этого не бойся – он больше не придет».

И хотя о том, кого ночной гость назвал «Этот», Костя мог только догадываться, тем не менее, испытал чувство невероятного облегчения, как будто сбросил груз килограмм в пятьдесят, который вот уже почти год висел на его плечах.

Уже довольно длительное время, как они оба сидели в темноте и молча смотрели друг на друга. Продавец – всё с той же широкой и доброй улыбкой, а Костя – с молчаливым вопросом – «что дальше?»

– Что – никак не припоминается? – голос у него был немножко глуховатый, но приятный.

Костя молча пожал плечами.

– К кому в квартиру вы залезли со своим лучшим другом, когда были еще первоклашками?

– Одноглазый!

Точно... Одноглазый... Теперь Костя был очень удивлён – как он мог сразу этого не понять?

Конечно, у ночного гостя в наличии имелись оба глаза, да и выглядел он лет на 10 моложе, чем по картинкам из детских воспоминаний, и тем не менее, это был он.

С ним было связано что-то тёмное и страшное, что-то, что не хочется вспоминать ни при каких обстоятельствах. Но оно возвращалось само, уже независимо от Костиной воли, накатывая неотвратимой волной. Одноглазый уже не улыбался, он смотрел сочувственно, но сурово, как будто зная, что сейчас сделает ему очень-очень больно, но это сделать необ-

ходимо во что бы то ни стало.

Чёрная волна накатила, ломая кирпичную стену, с треском и грохотом размалывая отдельные кирпичи в крошку и безудержно врываясь в пролом, проделанный ею в Костиной памяти.

– И-и-и-и.... – он даже не плакал, а затравленно визжал, как маленький щенок, которого загнали в угол и больно стегали прутом... Нет!!! Вы обещали... Вы же обещали!!!

Вы не можете со мной так поступить!!!

Здоровенный сорокалетний мужик в одну секунду превратился в маленького, умирающего от ужаса мальчика, которого, чудом выжившего, достали из погребца с обитающими там крысами-людоедками только для того, чтобы покормить. А теперь хотят отправить обратно.

Спустя некоторое время Костя обнаружил себя сидящим на диване, бутылка конька была почти пуста. За окном светало.

Ночной гость исчез, оставив после себя память – Костину память, закрытую от него до сегодняшнего дня рухнувшей кирпичной стеной. Память о 12 годах, проведенных им там.

Истерика прошла, оставив странную смесь из чувства абсолютной безысходности, нежелания жить и твердой уверенности в том, что все равно придется возвращаться.

Одноглазый не оставил ему выбора.

Впрочем, он оставил еще кое-что. На столе лежала ста-

рая толстая тетрадь в потрепанном дерматиновом переплете. Одноглазый оставил ее со словами: «Возьми с собой – она тебе пригодится». Полистав ее без особого интереса, Костя обнаружил там свои первые «творческие» (если это, конечно, можно было назвать творчеством) потуги. Попытка имела место, когда ему было лет 16–17, и, судя по последним заполненным страницам, была доведена до некоего логического конца, в отличие от десятков подобных, состоявшихся, а вернее, несостоявшихся чуть позже или раньше.

Раскрыв тетрадь на первой странице и пробежав глазами начало, Костя решительно захлопнул её и в сердцах швырнул в угол.

Начало опуса было типично графоманское и содержало описание «безжизненной, каменистой пустыни», по которой «брел усталый путник под палящими лучами двух солнц.»

Очевидно – эта попытка была сделана в жанре фантастики.

Тянуть время дальше смысла не было, и Костя отправился умываться и собираться в дорогу. Путь ожидался неблизкий. Для начала предстояло вернуться на малую историческую Родину – заштатный островной городок где-то на задворках России. А авиатранспорт был противопоказан по многим причинам.

Следовало поторапливаться. Как сказал Одноглазый – весь спектакль, устроенный им вчера с письмом от покойника и мертвым телом, имел под собой вполне конкретные це-

ли.

Основная: «Этот» теперь на некоторое время уверен, что Костя еще вне игры. Но остались его соглядатаи, которые рано или поздно обнаружат, что их провели и забьют тревогу.

Ну и вторая, неосновная, заключалась в том, чтобы психологически подготовить Костю к возвращению. По глубочайшему Костиному убеждению, вторая цель была не то что не достигнута... она была Одноглазым с треском провалена.

«Однако и ты не безгрешен», – с некоторым злорадством подумал Костя. Хотя по зрелому размышлению, знание, что и Одноглазый может ошибаться, должно было его обеспокоить, но оно почему-то напротив приносило ему некое облегчение.

Глава 8. Друг детства

Стояла аномальная жара – по ощущениям никак не меньше 35 градусов. Даже с учетом стремительно меняющегося климата на земном шарике, для наших мест это все-таки чересчур.

Я слонялся вокруг бетонного куба, стоявшего на месте хибарки Одноглазого, продираясь сквозь заросли малины без особой цели. Просто прежде, чем войти, мне показалось правильным обойти его кругом. Ничего интересного увидеть не удалось – трухлявые деревянные обломки, ржавые скобы да полуистлевшая жестянка с надписью «объект охран»

Жужжали оводы (вернее – слепни... всю жизнь в толк не возьму – почему на островах принято называть слепней оводами?), и солнце, казалось, прожаривало от макушки до самых пяток.

Внутри строения, как ни странно, царила прохлада, и даже пахивало сыростью.

Собственно говоря, со времени моего последнего визита сюда (дай бог памяти... лет двадцать назад?) ничего не изменилось, разве что следы разрушения стали более наглядными.

В самом центре помещения, взломав бетонный пол, умудрилась прорасти березка, причем, судя по внешнему виду, чувствовала она себя прекрасно и не испытывала недостатка

ни в воде, ни в свете. «Вообще, странная какая-то березка, – подумалось мне, – Растет себе в бетонном саркофаге и в ус не дует». Присесть было негде и, поразмыслив, я расположился прямо в оконном проеме, подложив под себя для комфорта свой плащ, который за каким-то чертом взял с собой, направляясь сюда. Оставалось только ждать, когда зайвится друг детства. В том, что он придет, я ни капли не сомневался. Поезд, которым он, судя по всему, должен был приехать, простучал где-то внизу еще с полчаса назад, следовательно – оставалось ждать недолго. Вокзал находился неподалеку. Я бы, конечно, мог его встретить и на вокзале, но Костя почему-то настоял на том, что доберется сам.

Закурив сигарету, я мысленно вернулся к событиям последнего года, пытаюсь проанализировать в какой именно день всё пошло по сценарию, придуманному кем-то очень давно и не учитывавшему ни прошлых жизней персонажей, ни их пожеланий тем более.

По-моему, все началось с той самой зимней рыбалки.

Итак:

Утро субботнего дня задалось не совсем обычно. Вопреки всему, проснувшись с ясной головой и бодрым настроением, выпив кружку кофе, я вдруг понял, что заняться мне абсолютно нечем. То есть, конечно, была куча мелких, пошлых дел, вроде накопившейся за неделю стирки, но почему-то

жутко не хотелось тратить на это такой чудесный день. Почему я решил, что он чудесный, и сам толком не мог понять, но тем не менее, был в этом твердо уверен. К тому же, невероятно, до чиха чесался нос. По этой самой причине я не стал звонить Юрке, ибо точно знал всю его программу мероприятий (а новшеств он не жаловал), но, как говорится, от судьбы не уйдешь.

Как раз в тот момент, когда я твердо решил отправиться на подъемник турбазы "Горный воздух" и наконец-то попробовать себя в горных лыжах (заведующий пунктом проката, замечательный человек и добрый приятель, давно меня приглашал), раздался звонок в дверь.

С нехорошим предчувствием я поплелся открывать. На пороге стоял Юрка в полном обмундировании для зимней рыбалки с неумолимым выражением на довольной красной морде.

– Старик, собирайся! Мы едем за крабами!

Зная Юрку тысячу лет, я понял, что сопротивление бесполезно, тем более, мои аргументы были смехотворно жалкими. «Лыжи? Это хорошо, но они от тебя никуда не денутся, а свежий воздух и положительные эмоции я тебе и там гарантирую», – так или примерно так ответил бы Юрка. Ну и, как крайнее средство убеждения меня, у него всегда была фраза: «Ты что, старик, хочешь мне праздник испортить? Нельзя быть таким эгоистом. Один хрен – ничего не делаешь!»

Посему, проклиная свою слабохарактерность, я поплелся искать теплые вещи.

Примерно часа через полтора мы уже были в п. Охотском и выгружали из машины снаряжение. К тому времени я полностью смирился с положением вещей и даже стал испытывать предсказанное Юркой удовольствие в неясном предвкушении супер положительных эмоций.

Забыл сказать – Юрка прихватил с собой довольно-таки унылую личность по имени Витек. Мы его ужасно недолюбливали за жмотство и занудный характер. Тем не менее, его пришлось взять (как пояснил Юрка) – тот просто нагло напросился, ибо, будучи приезжим, ни разу не был на крабовой рыбалке (тот мелкий факт, что мы ехали на машине Витька, Юрка просто не отметил в своем сознании).

Забурив лунки и раскидав приманку, мы посмотрели друг на друга с немым вопросом – утро было замечательное, безветренное... Солнце... и абсолютно нечем заняться, кроме ожидания... Поэтому я полез в рюкзак за литром. Не знаю, какая муха укусила в тот момент Юрку (он потом признался, что и сам от себя обалдел), но тот вдруг безапелляционно (впрочем, он по-другому и не умеет) выдал следующее:

– До первого улова нельзя!

С этого самого момента всё пошло наперекосяк...

Для начала скрылось солнце и поднялся неприятный ветерок, но мы ещё бодрились и даже язвительно прохаживались насчет чайников (один из которых по имени Витек еще

и навагой решил разжиться, а потому сидел и дергал попеременно двумя удочками)

Когда запас шуток по поводу его лошарских снастей и его самого иссяк, и прошло часа полтора бесполезного ожидания, мы приуныли... Зима все-таки на дворе.

Замерзнув не на шутку, дико ненавидя Юрку (а он отводил от меня глаза с видом нашкодившего кота), я уже было решительно направился к рюкзаку, наплевав на все рыбацкие приметы, как тут раздался дикий Юркин вопль: «Урра!!! Первый улов!!!»

Оглянувшись, я увидел, что Витек сподобился поймать, наверное, самую худосочную наважку на свете, которая почему-то решила свести счеты со своей жалкой, никчемной жизнью именно на его крючке.

Тем не менее, регламент был соблюден, и Юрка уже с негодованием орал мне, чтоб я не тормозил и наливал побыстрее!

Первый литр исчез как-то уж слишком быстро. «Наверно, слишком сильно замерзли», – немного косноязычно пояснил Юрка, отправляя Витьку за следующим.

Дальше я помню не очень отчетливо, вернее, совсем смутно... Помню только, что поймали в итоге мы всего трех крабов – двух средних и одного монстра.

Монстра отдали Витьку, потому что:

- 1) он стал канючить жалким голосом и
- 2) потому что стрельнули у него еще на литр.

Потом помню подъезд, откуда нас с Юркой выгоняла какая-то злая тетка, не дав нам допить в тепле и комфорте. Юрка же, представившись экстрасенсом и черным магом, наложил на нее заклятье безмужества или безбрачия (точное определение не помню), устрашающе вращая глазами и делая магические пассы остатками литра. За что тут же схлопотал мусорным пакетом по морде, и нам пришлось уступить поле боя, позорно бежав и оставив разложенную на подоконнике закуску.

Потом помню ночной ларек на пр. Победа, где Юрка уговаривал продавщицу взять краба в обмен на пол литру (ибо с пустыми руками к одной его хорошей знакомой, коих у него множество в такой поздний час заявляться не по-джентельменски).

Помню горотдел, "обезьянник"... как мы туда попали – не помню, но были отпущены в обмен на последнего краба. Затем был г. Корсаков – зачем и как не знаю...

Домой я попал только через три дня.

Когда на совещании директор объявил гл. механику и гл. энергетику (соответственно Юрке и мне) строгий выговор с занесением и последнее китайское от себя, Юрка, сволочь, заявил мне, что я – жалкая, слабохарактерная личность, что мне надо было бы его тогда послать от порога, как можно дальше, и мы оба были бы в шоколаде.

Юрка умер недавно, я узнал об этом только через месяц. Отказало сердце. Проклятая водка.

В общем, как бы там ни было, это очередное лирическое отступление, которое, в принципе, к делу отношения не имело бы... если бы не это «бы».

Спустя три дня после вышеописанных событий, вечером раздался звонок в дверь, и на пороге нарисовался Витек.

– Вот... в машине оставили, буркнул он крайне недовольным голосом (по-моему, он был на меня за что-то зол) и протянув мне пакет, тут же развернулся и потопал вниз по лестнице.

Странная все-таки личность этот Витек... ни ответа, ни привета... ни «здрасьте», ни прощай.

В пакете был мой термос с чаем, до которого дело так и не дошло, мои шубенки, пустая бутылка и еще какая-то коробка, на которую сразу я не обратил внимания.

А заставила меня обратить внимание моя жена Ольга, вернувшаяся с отдыха в санатории:

– Немедленно разбери этот хлам, иначе я выкину его на помойку (реплика была адресована мне, лежащему на диване и страдающему дикой мигренью от непрерывных охов и ахов жены, начавшихся прямо с порога и не утихающих вот уже часа два... послушать ее, так и стадо мамонтов за год не могло бы произвести больших разрушений и натаскать грязи, чем моя скромная персона за какой-то неполный месяц)

С этими словами она, войдя в зал в натянутых резиновых

перчатках и с мокрой тряпкой в руках, швырнула на пол пресловутый пакет, о котором я и думать забыл, определив его тогда же за входной дверью.

Вздыхнув, я сполз с дивана и принялся разбирать пакет. Видимо, при падении пустая бутылка треснула, и, когда я попытался вытащить ее из пакета, в моей руке, хищно поблескивая острыми краями, оказалась розочка из бутылочного горлышка. Чертыхнувшись, я разостлал на полу газету, аккуратно положил на нее остатки бутылки и продолжил извлечение содержимого. На дне пакета, кроме термоса и шубенок, оказалась картонная коробка среднего размера. В коробке лежала самая неожиданная чепуха из прошлой жизни: мой комсомольский значок, октябрятская звездочка, несколько юбилейных, окислившихся от времени рублевых монет времен Советской империи, мамин дневник, в который она подклеивала мои рисунки, поздравления к восьмому марта и дням рождения, бирка из роддома с моими начальными координатами во времени и т.п. Все это собирала и бережно хранила моя мать. После ее смерти у меня не хватило духу выбросить то, что представляло для нее особую ценность, – вот и кочевала коробка со мной все эти годы по городам и весям.

Как она могла здесь оказаться? Ведь она всегда лежала в загашнике, в куче подобного хлама, который и не нужен, и выбросить жалко.

Ах, да... понимаю... Наверное, в спешке, когда меня то-

ропил Юрка, я схватил ее вместо другой, где у меня хранились булавки для крабовой наживки. А на рыбалке я ее не открыл, потому как вполне хватило Юркиных.

Я сидел и перебирал предметы из моего далекого детства, погрузившись в ностальгическую воронку воспоминаний, поочередно выкладывая предметы на разостланную на полу газету.

Последними я выудил маленький перламутровый перочинный ножик (в детстве я с ним не расставался ни на минуту) и самодельный фонарик, сделанный из квадратной батарейки (таких, по-моему, уже и не выпускают), лампочки от гирлянды и куска изоленты, которой эта лампочка была прикручена к одному из лепестковых контактов батарейки.

Странно, но батарейка не только не окислилась и не вытекла, но выглядела так, как будто только вчера куплена.

Прижав большим пальцем второй лепесток контакта батарейки к цоколю лампочки, я даже был уверен, что она загорится...

Увы... чудес на свете не бывает... все-таки больше трех десятков лет прошло.

Именно этот самодельный фонарик, по словам Одноглазого, когда-нибудь должен был спасти мне жизнь.

Я громко фыркнул, вспомнив Одноглазого. Сейчас, спустя много лет, все произошедшее в тот год, несмотря на отчетливость воспоминаний, казалось мне какой-то нелепой

выдумкой, странной сказкой без начала и конца, которую по непонятной причине запомнил на всю жизнь. Интересно, где сейчас мой закадычный друг детства Костя и что с ним? Может, попробовать в одноклассниках его поискать? Сам я терпеть не мог этот сайт и, даже поддавшись в свое время всеобщему ажиотажу и зарегистрировавшись там, вскоре удалил свой аккаунт. Да... все-таки надо побороть свою лень и инертность и пошарить в сети.

Я опустил фонарик на газету и обратил внимание, что выложенные в один ряд предметы как раз составляют моё «вооружение» в ту самую ночь невероятных приключений.

Справа налево лежали: бутылочная розочка, перочинный нож и самодельный фонарик... в порядке, обратном тому, в каком они появлялись тогда в моих руках.

И еще: предметы лежали поверх небольшой заметки о начале масштабного строительства новой дороги, проходящей в том числе и через город моего детства. В связи с этим там должна была произойти перепланировка ул. Набережной, включавшей в себя для начала снос части заброшенных строений и жилых домов. В том числе, судя по всему, это затрагивало и участок Одноглазого, располагавшийся почти в самом начале улицы, на въезде в город.

Это было первое напоминание из прошлого. Довольно скоро я опять и думать забыл о событиях из далекого детства.

Единственные последствия этого напоминания – это то,

что я узнал от кого-то Костину почту и даже номер его телефона, на который, впрочем, так и не позвонил, все откладывая на потом. Просто я пока не представлял, что я ему скажу после стольких лет обоюдного молчания. Да и будет ли он сам рад услышать меня?

Второе напоминание я получил на свое день рождение в марте месяце.

В самый разгар веселья, царившего в офисе, в момент, когда выпито достаточно, чтобы представительницами слабого пола забыть о некоторых приличиях, а именно: выпив все вино (кроме которого они ничего, по их словам, не употребляют) перейти на водку и коньяк, но еще до того момента, за которым следует завтрашний провал в памяти, на пороге нарисовался курьер и передал мне под восторженный гул всех присутствующих почтовый конверт.

Взяв с меня автограф на казенном бланке, он исчез так же быстро, как и появился.

Удалившись в коридор, я вскрыл конверт. Оттуда выпал тетрадный листок в косую линейку (триста лет таких не видел), на котором твердым, разборчивым почерком было написано: «Возвращайся домой! Торопись! Дверь закрывается».

Тогда, решив отложить решение головоломки на следующий день, я сунул этот конверт в самый похоронный ящик своего стола.

Третье напоминание я получил собственно вчера. Мне позвонил Костя и в завершение разговора, длившегося без малого час (чего я абсолютно не заметил, хотя для меня и пять минут по телефону – это подвиг), сообщил, что прибывает в город детства завтрашним поездом и назначил встречу на бывшем участке Одноглазого. Я в этот момент как раз находился в командировке в соседнем городке, в километрах ста от места встречи, и поскольку был на колесах, мне не представляло никакого труда оказаться в назначенном месте в назначенное время.

– Хенде хох, фашистская морда! Не двигаться!

Что-то твердое уперлось мне между лопаток. Костя... придурок... кто же еще. Есть некоторые привычки, сопровождающие нас всю жизнь. У Кости одна из таких привычек – это появляться неожиданно и желательно с каким-нибудь дурацким возгласом. В детстве у нас даже существовал определенный ритуал, согласно которому в ответ надо было заголосить что-то вроде:

– Партизанен! Нихт шиссен! Битте! Их бин сдавайся... Их есть немецкий коммуниста и товарища!

С этими словами я, не оглядываясь, схватил его за руку и втащил в оконный проем.

Потом мы долго ржали, обнимались... изо всех сил лупили друг друга по спине и даже устроили шутовскую свалку, чуть не сломав бедную березку.

Не буду приводить здесь долгий разговор, касавшийся, как и событий, непосредственно относящихся к причинам нашей встречи, так и относительно белых пятен в жизни друга друга с тех пор, как прекратилась переписка.

Скажу только, что, когда Костя закончил свой рассказ о последних событиях, предшествующих его появлению здесь, я окончательно убедился в том, что Одноглазый и все, что произошло тогда с нами, не сказки, не игры памяти, а настоящая, живая реальность с неприятным, жутковатым привкусом. И самое плохое в этой истории заключалось в том, что она только начиналась.

И ещё – пока Костя излагал свою часть, я все пытался вспомнить что-то важное из моей тогдашней встречи с Одноглазым... какой-то момент, беспокоивший меня.

Но как ни старался, так и не вспомнил.

Глава 9. Первая дверь

Костя никак не мог заснуть уже которую ночь подряд – картинка, которую он увидел в жилище Одноглазого, не давала ему покоя. Виталька оттащил его от ящика в тот момент, когда белая муть, поначалу закрывавшая обзор, окончательно рассеялась, и он увидел раскинувшуюся, казалось, прямо под ним невероятную страну. Как будто он обозревал все с высоты птичьего полета.

Внизу распростёрлись бесконечные поля, которые пересекала узкая дорога, ведущая к смутно видневшемуся городу, расположенному почти у самой линии горизонта.

Что-то было знакомое в его очертаниях, хотя Костя мог поклясться, что никогда не видел его раньше. Картинка постепенно становилась все отчетливее и подробнее. На дороге, ведущей к городу, он заметил какое-то движение и попытался разглядеть подробнее, что же именно привлекло его внимание. Как будто отвечая его пожеланиям, картинка увеличилась многократно, и Костя узнал в странной группе путников персонажей из его любимой книги «Волшебник изумрудного города». Лев и Тотошка находились в авангарде группы, в метрах 30 от остальных.

Как будто почувствовав Костин взгляд, Лев обернулся в его сторону и недовольно поморщился, показав впечатляющие клыки, а Тотошка залился пронзительным лаем.

Страшила и Железный дровосек, о чем-то увлеченно споря, шли, не обращая никакого внимания на окружающих. Лишь только Элли, обернувшись, улыбнулась и приветливо помахала ему рукой...

Почему ему? Ну хотя бы потому, что в обозримом пространстве больше никого не было.

В этот самый момент Виталька и оттащил его от ящика.

Неудовлетворенное любопытство мешало уснуть, как мешают сухарные крошки в кровати.

Ворочаясь с боку на бок, Костя в который раз гадал, что же, собственно, представлял из себя этот чертов ящик.

Может это такой кинопроектор секретной конструкции, а Одноглазый его изобретатель, который хочет сохранить свое изобретение втайне?

Или, может, диковинный импортный цветной телевизор, который Одноглазый привез из-за границы, ведь по одним из слухов он – бывший капитан дальнего плавания.

Поворочавшись еще с полчаса, Костя решил, что нечего откладывать дело в долгий ящик, а нужно просто вернуться и удовлетворить свое любопытство до конца.

Одному отправляться туда было страшновато, но Виталька, судя по всему, еще с неделю не выйдет из заточения, а ждать столько времени уже было просто равносильно смерти.

Поэтому, твердо решив завтрашним днем отправиться к Одноглазому в одиночку, Костя наконец крепко уснул.

Косте было немного не по себе... В жилище Одноглазого внешне ничего не изменилось. Было прохладно и тихо.

Тишину нарушало только периодическое жужжание мухи, бьющейся о пыльное стекло.

И все-таки Костю не покидало ощущения, что кто-то за ним наблюдает. Наблюдает с нехорошим, корыстным интересом. И еще этот кто-то ждал его, ждал с нетерпением, а сейчас, затаив дыхание, наблюдает за ним исподтишка, чтобы не вспугнуть раньше времени.

Ощущение становилось настолько сильным, что хотелось бежать отсюда немедленно.

Но было бы очень обидно уйти, так и не удовлетворив своего любопытства.

«Только одним глазком гляну...» – уговаривал себя Костя, приближаясь к ящику и оглядываясь по сторонам.

И тут же ощущение, что кто-то сверлит ему спину взглядом пропало. Как будто этот некто, удостоверившись, что Костя все делает, как нужно ему, ушел куда-то по своим нехорошим делам.

Муть долго не рассеивалась, на этот раз она была гораздо темнее и даже с каким-то фиолетовым оттенком. Костя упорно ждал.

– Внимание, внимание! Только сегодня и только у нас! Каждому мальчику, который отважится посетить специаль-

ный аттракцион, совершенно бесплатно в качестве дополнительного приза полагается наш знаменитый десерт! Невероятно вкусный и удивительно сладкий!

Торопитесь! Приобретайте последний билет на вход в наш специальный аттракцион. Наш цирк прекращает свои гастроли и уезжает завтра утром!

Переход от расплывчатой мути к яркой, красочной картинке был настолько неожиданным, что Костя едва было не отпрянул от глазка.

Посередине городской площади, плотно заполненной детьми разного возраста, на дощатом помосте высокий тощий клоун в фиолетовом парике, с огромной нежно-розовой шапкой сахарной ваты в руке, надрывал связки, зазывая посетителей...

– Смелее, детишки! Последний билет! Победитель получает все эти шикарные призы, наш знаменитый десерт и ...

Внимание!!! Неслыханная щедрость от директора цирка в честь окончания гастролей! Каждому участнику, независимо от результата игры, в подарок – настоящий ковбойский револьвер!!!.

С этими словами клоун оглушительно выпалил в небо из огромного револьвера. У Кости перехватило дыхание – настоящий револьвер, несбыточная мечта любого мальчишки! В углу помоста были свалены небрежной грудой остальные призы, полагавшиеся победителю, и каждый из них в от-

дельности способен был помутить разум любого пацана. Там был новенький, блестящий спицами и никелированным рулем, велосипед с переключающимися скоростями, детский электромобиль, самурайский меч, домашний кинопроектор с огромной коробкой, заполненной жестянками с кинолентами. Костя был уверен, что там есть все выпуски мультфильма «Ну, погоди» и «Приключения капитана Врунгеля» и еще много чего, составлявшего невероятное богатство!

Но револьвер! Настоящий револьвер – это была просто фантастика!

Однако, завывания клоуна падали в странную, сумрачную тишину, окружавшую помост.

Дети, стоявшие на площади, молчали, у них у всех было одно и то же выражение лица, отражавшего безнадежную покорность и страх. Громко звучащая бравурная музыка, яркие ленты, шары и флаги, украшавшие площадь, разряженный клоун и эта угрюмая толпа составляли

удивительный контраст, который Костя поначалу и не отметил в своем сознании.

Но только он об этом подумал, как лицо клоуна, внезапно приблизившегося почти вплотную к глазку, исказила неприятная гримаса, и он, обращаясь к Косте в третьем лице, сказал ватным, вкрадчивым голосом:

– А что это наш дорогой гость молчит? Неужели не заинтересовало предложение? Мы гостям всегда рады.

Костя оторопело молчал – все, происходящее до настоящего момента, он воспринимал, как некий увлекательный фильм, действие которого он стал смотреть не с начала, а середины, как будто просочившись мимо зазевавшейся контролерши в кинотеатр в самый интересный момент разворачивающегося представления.

– Сколько тебе лет, Малыш? – Тем же вкрадчивым голосом спросил клоун.

– Во-восемь... – ошарашенно выдавил из себя Костя.

– Отлично!!! – Взвыл клоун и, на секунду повернувшись к нему спиной, крикнул:

– У нас есть последний участник! Наш дорогой гость согласился пройти аттракцион «Двенадцать дверей». Слава ему! Ураа!!

– Ура-а-а... – нестройно подхватили дети, стоящие на площади.

– Не слышу! Уже зло бросил в толпу клоун.

– Урааа!!! – гораздо громче подхватили присутствующие. Не давая Косте опомниться, клоун показал ему клочок бумажки ядовито-зеленого цвета со словами, – Вот твой билет, мальчик... Соглашайся, пока я не передумал.

– Но... но... – лепетал Костя... у меня нет денег.

– Оплата – не деньги, – возразил клоун, – за этот билет, ты принесешь мне какую-нибудь вещичку, принадлежащую твоей маме... любой пустяк... пусть даже пуговица, главное, чтобы мама хоть раз, но держала ее в руках. После проверки

она будет сразу же тебе возвращена.

– А зачем это вам? – ошарашенно спросил Костя.

– Это неважно... такие у нас правила. Согласен?

– Да... – ответил Костя (пуговица... подумаешь, какая мелочь... да их хоть сто штук можно принести, и мама ничего не заметит), но... как я к вам попаду?

– Приложи правую ладонь к глазку – я напишу на ней твой номер билета. Атракцион начинает работу в полночь. Чтобы попасть сюда, ровно в полночь просто приложи ладонь к любой незапертой двери. И, заметив недоверчивый Костин взгляд, клоун повторил:

– Да... да... к любой незапертой двери... и еще помни – обязательно принеси какую-нибудь мамину пустяковину, иначе лишишься права участвовать в состязании за эти замечательные призы!

Глазок помутнел и закрылся... Костя еще с минуту тупо смотрел на обыкновенный, обшарпанный ящик. Уж не приснилось ли ему всё? Мышцы шеи сводило от недавнего перенапряжения. Он поднес ладонь к свету и посмотрел – на ладони появилась бледно зеленая расплывчатая загогулина, отдаленно напоминающая очертаниями римскую цифру 1. Хотя с таким же успехом она могла напоминать и верблюда, и самолет... и вообще, выглядела, как помарка, оставшаяся от пузырька с зеленкой, которой нечаянно испачкались, открывая его.

На часах было без пяти минут полночь. Вот уже минут десять как Костя стоял перед дверкой шифоньера в своей комнате, нетерпеливо поглядывая на часы. Минутная стрелка, казалось, приклеилась к циферблату и упорно не хотела сдвинуться с места.

В кармане у него лежал маленький блокнотик, обычно лежавший на холодильнике. Мама записывала туда рецепты, вела домашнюю бухгалтерию и т.п.

Дверь в его комнату была заперта снаружи. Обычно его запирали в комнате только в качестве наказания, но сегодня вечером мать вела себя странно. Она долго сидела на краешке кровати и гладила его по голове, думая, что Костя спит. Потом, вздохнув, чмокнула его в нос и вышла, тихо притворив за собой дверь. Через некоторое время Костя услышал, как она подошла к двери и – поворот ключа в замочной скважине. Мама явно была чем-то обеспокоена.

После поворот ключа Костя едва было ни взвыл от досады, но потом, вспомнив, что подойдет любая незапертая дверь (а дверь шифоньера, по сути та же дверь), он успокоился.

Но все-таки сомнения обгрызали его терпение со всех сторон, пока он, переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливо поглядывал на настенные часы.

Осознание того, что он влип по полной программе, пришло сразу же, как только Костя оказался в небольшой ком-

натке, в которой кроме него, находились ещё двое мальчиков и давешний клоун. Сейчас он был без грима. Лицо его (если, конечно, это можно было назвать лицом) напоминало какое-то отвратительное насекомое, один вид которого вызывает отвращение и испуг. Богомол... точно... именно богомола напоминал бывший клоун всем своим длинным, нескладным телом и хищным выражением лица.

Возгласом, скрипучим, как не смазанные дверные петли, клоун удовлетворённо приветствовал появление Кости:

– Ну вот! Последний участник на месте... можно начинать.

При этом он ухмылялся одними глазами, его рот (узкая щель на лице), кажется, не раскрывался даже когда клоун говорил.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, джентльмены и слушайте очень внимательно. (он откровенно издевался над тремя испуганными детьми). Тот, кто что-нибудь пропустит по невнимательности, потом пусть пеняет на самого себя.

При этих словах один из мальчиков, с пухлыми, трясущимися губами и маленькими бегающими глазками, расплакался и заныл: «Мааааа...»

– Мямямям... – передразнил его клоун и тут же крикнув, – Молчать! – хлестко и сильно ударил его по щеке. Толстый мальчик подавился плачем и затих. Наступила мертвая тишина. Клоун обвел всех троих взглядом и отрезал:

– Как вы, наверное, уже и сами поняли, никто вам здесь

не поможет – ни мама... ни папа... ни добрые волшебники! Всем ясно? Поэтому – молчать и слушать. Тот, кто нарушит тишину, отправится в темный погреб с крысами-людоедками!

Итак! Вам троим оказана великая честь! Наш господин – директор цирка предлагает вам стать его поданными. Тот, кто согласится, сможет иметь все, что только захочет: любые игрушки, любые сладости. Будет проходить на любые киносеансы бесплатно, даже на которые вход детям до 16 лет запрещен. Сможет прогуливать в школе занятия и не учить уроки, но при этом учителя всегда будут ставить ему одни пятерки. А когда вырастет и станет взрослым, будет очень богатым человеком! Клоун сделал паузу, обвел всех троих испытующим взглядом и, удостоверившись, что все поняли его слова, продолжил:

– Наверное, вас интересует, чем за это придется отплатить? Сущие пустяки! Всего лишь раз в неделю два часа в день работать на фабрике кукол, принадлежащей нашему господину. Это специальные куклы, живые. Они делаются из настоящих детишек... в том числе из тех (тут клоун понизил голос до зловещего шепота), кто отказывается стать подданными нашего господина. Для чего нужны эти куклы, согласившиеся узнают позже... Итак? Согласны?

В этом предложении крылось что-то мерзкое, что-то, пахнущее кровью и гнилью, нечто, что наполняло душу ужасным предчувствием, почти осязаемым в установившейся

мертвой тишине.

– А как же аттракцион? – Громко спросил кто-то. Все присутствующие обернулись в сторону Кости, и он сообразил, что вопрос задал именно он.

– Аттракцион? – клоун усмехнулся, – что ж, правила есть правила – никто не может их нарушать... Тот, кто не хочет стать подданным нашего господина, имеет две возможности:

1) Он может вернуться домой ценой жизни своей мамы. В тот момент, когда он войдет в эту дверь (клоун указал рукой куда-то позади себя, в пространство, находящееся вне освещенного круга), он окажется дома и больше никогда не сможет вернуться сюда, но в этот же момент его мама умрет, залогом тому безделушки, которые вы сюда принесли! (Клоун произнес это таким обыденным тоном, что Костя ему сразу и безоговорочно поверил).

2) Он может вернуться домой (если, конечно, ему повезет), пройдя наш аттракцион «Двенадцать дверей». Он рискует только своей жизнью. Двенадцать игровых площадок с тремя дверями в каждой. Играющий не знает, что находится за дверями. Он должен делать выбор на удачу. Только одна дверь из трех скрывает безопасный путь до следующей игровой площадки. За каждой второй дверью скрывается немедленная смерть для участника. За каждой третьей дверью – дорога, пройдя которую, участник пропускает сразу две игровых площадки, но пройти которую практически невозможно. На каждом шагу участника подстерега-

ют страшные чудовища, ожившие мертвецы и многое такое, что вы и представить себе не можете. Вас там растерзают за несколько минут.

Но если все-таки ему очень повезет (а за всю историю аттракциона не было еще ни одного такого случая), он вернется домой и получит все призы, которые ему были обещаны.

Таковы основные правила игры, которые не может нарушить никто, даже наш господин – директор цирка. С остальными мелочами участники ознакомятся в процессе игры, если, конечно, у них ещё осталось желание сыграть.

Тут мертвая тишина, царившая в комнатке, прервалась громким топотом, грохотом опрокинутого стула и поросычьим визгом толстого мальчишки, который внезапно рванул с места мимо клоуна и нырнул в темноту за его спиной. Оттуда раздался звонкий шлепок, звук клацнувшей челюсти и падения чего-то грузного на пол.

– Ну, что там? – не оборачиваясь, бросил за спину клоун, – Жив надеюсь?

– Жив... жив! Отозвался смеющийся голос из темноты, – Только обделался, по-моему... Ну и вонь... А ведь ты опять оказался прав... Он нам точно подойдет.

– А то! – удовлетворенно ухмыльнулся клоун. У меня глаз – алмаз. Опыт, друг мой Горацио... Опыт не пропьешь... И оба довольно заржали.

– Ну что ж... Один уже сделал свой выбор. Дело осталось за вами двумя. Клоун попеременно сверлил взглядом Костика и второго мальчика – только сейчас Костя рассмотрел его более подробно. Был он старше него, по виду – года на три и выше на целую голову. Он хмурился и досадливо кривил губы, как будто негодовал на себя за то, что так лопухнулся. В чем, в чем, а в этом Костя был с ним полностью солидарен. В голове крутилась любимая поговорка его матери: «Бесплатный сыр, бывает только в мышеловке». Раньше он не вникал в смысл этой поговорки, сейчас же он открылся ему во всей своей неприглядной правоте.

– Я выбираю игру! – твердо сказал второй мальчик и процитировал клоуна: «правила есть правила... никто не может их нарушать...» и «каждому участнику, независимо от результата игры, в подарок настоящий ковбойский револьвер!!!.» Если револьвер дается независимо от результатов игры, я хочу получить его прямо сейчас!

– Ишь ты... какой шустрый пацан... быстро соображаешь, – Недобро посмотрев на него, сказал клоун и снова за спину: Как ты считаешь? Ведь он абсолютно прав...

– Нууу.. не знаю... – проямлил голос из темноты... ты старший – тебе и решать, но я бы не стал этого делать... уж больно сообразительный пацан.

– Ничего... ничего... мы должны быть честными с игроками... тем более – это подарок от господина директора цирка...

ка. Лучше дать... особо им это не поможет... а вот, не дай бог, надзорная комиссия обнаружит нарушения – нам с тобой худо будет. По крайней мере, премии точно лишат. Я ведь полагаю – ты тоже желаешь получить револьвер немедленно? – обратился клоун к Костику.

– Да! И чем быстрее, тем лучше... – расхрабрившись, ответил Костя.

– Ты поглянь... и второй сопляк не из робкого десятка, а?

– Ничего... и не такие ломались.

С этими словами из темноты выдвинулась огромная, под потолок, фигура розового резинового пупса, с малюсенькой кукольной головой на широченных плечах, и протянула на лопатообразной ладони два револьвера с двумя картонными коробочками патронов.

– Предупреждаю, – сказал клоун, когда они разобрали свое оружие, – в нас палить бесполезно. Еще настреляетесь, если повезет. А теперь, в заключение, последние инструкции. Помните, что в любой момент, на любой игровой площадке вы можете передумать и вернуться сюда, чтоб заключить контракт лично с господином -директором цирка. Это правило не распространяется на время пути от площадки до площадки и не действует на первой и последней. Впрочем, попасть туда вам и не удастся. Чем больше площадок вы пройдете, тем большую ценность будете представлять для господина директора. Для того, чтобы вернуться, нужно просто прикоснуться к любой двери правой ладонью и громко

сказать: «Игра закончена».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.